

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ



Евгения
Горская

СБЫВАЮТСЯ
ДРУГИЕ МЕЧТЫ



ЭКСМО

Евгения Горская

Сбываются другие мечты

Серия «Татьяна Устинова рекомендует»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8885965

Сбываются другие мечты : [роман] / Евгения Горская: Эксмо; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-77602-3

Аннотация

В последнее время в жизни офтальмолога Екатерины Бородиной начались странности: к ней на прием пришел импозантный мужчина, каких нечасто увидишь в районной поликлинике, а после работы он встретил ее с букетом роз. На влюбленного пациент не очень походил, и Катя не понимала, что ему от нее нужно... Ей вообще было не по себе с тех пор, как она увидела падающую на асфальт Ольгу. Сбившая ее машина скрылась, Катя подбежала к своей медсестре первой и сразу поняла: травмы едва ли совместимы с жизнью... За несколько дней до гибели Ольга оставила в кабинете ноутбук. Катя собиралась вернуть его мужу подруги, но сначала решила удалить оттуда свои фотографии и наткнулась на странный видеофайл: пара катается по озеру, потом парень вдруг начинает раскачивать лодку, девушка в ужасе цепляется за борт, а в следующем кадре ее уже нет... Что это за запись, кто на ней снят

и какое отношение все это имеет к Ольге? Неужели она стала свидетельницей преступления и поплатилась за это жизнью?

Содержание

Тридцатое сентября, понедельник	7
Первое октября, вторник	25
Второе октября, среда	38
Третье октября, четверг	52
Четвёртое октября, пятница	65
Пятое октября, суббота	74
Седьмое октября, понедельник	85
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Евгения Горская

Сбываются другие мечты

© Горская Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Евгения Горская в очередной раз заставляет нас вцепиться в ее новую книгу как в спасательный круг и сломя голову нестись навстречу новой, увлекательной и парадоксальной, развязке!

Казалось бы, практически невозможно написать книгу, которая держит в напряжении от самого начала и до последней страницы. Чтобы действие только нарастало, чтобы петля сюжета затягивалась все туже, чтобы самые сильные эмоции – любовь и ненависть – били через край, а история на каждом витке совершала головокружительный кульбит, переворачивая все действие с ног на голову, заставляя героев искать спасения там, где спасение, кажется, невозможно. Но Евгении Горской это удалось!..

Ее новый детектив будто бы целиком состоит из неожиданных сюжетных поворотов. И на каждом интрига закручивается все сильнее, а ставки становятся все выше, а в самом конце выясняется, что злодей на самом деле... Впрочем, чи-

тайте!

Татьяна Устинова

*** * ***

Компьютера, который он искал, в квартире не оказалось. Это было так неожиданно, что он не сразу поверил и ещё какое-то время бродил по комнатам, исследуя уже осмотренные места и даже почти не обращая внимания на то, что может оставить следы. Компьютера не нашёл. Он аккуратно запер за собой дверь сделанными не так давно дубликатами ключей и медленно спустился по лестнице. Потерянная информация была страшной, от неё зависело не только его будущее, от неё зависела его жизнь. Ему нужно сделать всё возможное и невозможное, чтобы её уничтожить. Ему просто не позволяют остановиться.

Он измучился, гадая, где и у кого смертельная для него информация. Если бы его шантажировали, он бы предпринял ответные действия, включился бы в борьбу, он это умел и любил и предпочёл бы определённую неизвестности.

Ему звонили, ему писали электронные письма, но тот, в чьих руках сейчас была его жизнь, молчал.

Тридцатое сентября, понедельник

Ехать на конференцию Глебу Бородину не хотелось. Он понимал, что надо, докладывать ему было о чём, разработанная фирмой система опережала даже мировые аналоги. И новые знакомства завести необходимо, и в кулуарных разговорах поучаствовать тоже, да и просто развеяться после долгой тяжёлой работы, сменить обстановку, отдохнуть от усталых Катиных глаз.

Ехать надо, а не хотелось, даже думать о командировке было лень, и он старался не думать. Презентацию, правда, подготовил, но доклады и презентации у него всегда получались. Ира заказала билеты, позаботилась о гостинице, вызвала такси. Ехал бы Бородин один, без неё, о такси даже думать не стал бы, добрался бы на электричке, не беспокоясь о пробках. Ира электричек не признавала. Она и в метро никогда не спускалась, хотя при необходимости проехать две-три остановки в подземке куда как проще. Сначала Бородина её барство коробило, потом он привык, стал воспринимать его как данность.

Вообще-то на конференции Ирине делать было уж вовсе нечего, к разработке она никакого отношения не имела, и совместная поездка вызывала только ненужные толки у сослуживцев.

– Глеб, спускайся, машина ждёт, – сообщила Ирина по

внутреннему телефону.

Бородин послушно выключил компьютер, внимательно осмотрел кабинет напоследок, проверил, выключен ли свет, и, подхватив дорожную сумку с парой запасного белья, запер дверь.

После долгих дождливых дней солнце светило вовсю, как летом, и напоминало почему-то не осень, а раннюю весну, когда земля и город преобразаются на глазах, вместо остатков грязного снега на газонах появляются молодая трава и какие-то жёлтые цветочки, которые всегда вылезают первыми, даже раньше листьев на деревьях. Катя всегда радовалась цветочкам, собирала чахлые букетики и подносила к носу, хотя цветы совсем не пахли.

Ира ждала около новенького «Форда Фокуса» с чёрными шашечками на жёлтом фоне на крыше и номером телефона на боках. Бородину хотелось сесть рядом с водителем, но спутница потянула его за рукав, и он послушно уселся рядом с ней сзади.

– Здравствуйте, – кивнул Глеб молодому кавказцу за рулём, глядя на него в зеркало.

– Едем, едем, – поторопила водителя Ирина. – Господи, Глеб, даже не верится, что мы будем вместе целую неделю! Ты рад?

Он молча кивнул, стараясь не морщиться. Он терпеть не мог прилюдного выражения чувств и постарался отодвинуться, когда Ира осторожно прислонилась лбом к его плечу.

– Красота какая! Ты только посмотри, какое солнце! Глеб, ну посмотри! Чудо просто!

Когда-то её восторженность его умиляла. Тогда он ещё не догадывался, что она умело прячет за ней нешуточные цинизм и жестокость. Впрочем, цинизма и жестокости она при нём никогда не проявляла, и почему он приписывает их Ирине, Бородин сам не понимал. Не так давно она казалась ему ребёнком-несмышлёнышем, не вполне понимающим последствия своих поступков, теперь он был уверен, что она очень расчётлива.

– Ой! – вспомнила Ирина. – Остановите! Притормозите перед переходом!

Бородин опять с трудом заставил себя не поморщиться, всё-таки с водителем следовало вести себя повежливее, «пожалуйста» сказать, что ли.

– Забыла купить сигареты, – объяснила Ирина, выскальзывая из машины.

Место для остановки она выбрала крайне неудачное. Его дом находился в нескольких шагах, и именно в это время Катя проходила здесь по дороге в поликлинику. Конечно, ничего страшного не произойдёт, если жена увидит его с коллегой, но всё-таки встречи этих двух женщин он не хотел и даже боялся.

Ирина подошла к киоску, он посмотрел на переключившийся светофор, а потом на парочку, остановившуюся посреди тротуара. Парочка целовалась. Руки молодого челове-

ка закрывали плечи и голову девушки, из-под них виднелись только тёмные кудри, как у его жены.

Солнце скрылось, опять стал накрапывать дождь.

Ирина отошла от киоска, посмотрела на целующихся.

Парень в последний раз наклонился к девушке и исчез в толпе переходивших дорогу людей. Девушка посмотрела ему вслед, тряхнула кудрями, подняла капюшон серой, как у Кати, ветровки, поправила на плече сумку и, не оглядываясь, зашагала в сторону поликлиники. В сторону Катиной работы.

Бородин понимал, что это не жена. Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда. К тому же девушка ниже Кати и двигалась иначе.

Его мог обмануть кто угодно, только не Катя. Это он её обманывал.

– Гле-еб, – тихо прошептала Ирина, усаживаясь рядом. – Ты боишься, что нас увидит твоя жена, да?

– Что?! – прошипел он. – При чём тут моя жена?

Она смотрела на него сочувственно и с жалостью и почему-то вызвала у него такое отвращение, что он отвернулся, чтобы её не видеть.

– Пожалуйста, поехали, – попросил он водителя. – Мы можем опоздать.

Солнце скрылось, грязные лужи на асфальте перестали сиять радостным весёлым блеском. Бородин достал телефон, набрал Катю, чего никогда не делал при Ирине. Абонент был

недоступен, естественно. Жена всегда отключала телефон, когда вела приём больных.

– Глеб, мимо машины почти никто не проходил. Ты бы первый заметил свою жену. Её не было поблизости.

– Ира, откуда ты знаешь мою жену? – спросил он, не поворачивая головы. – Ты же никогда её не видела.

Она постыдилась признаться, что его жену она видела сотню раз. Пряталась в машине и смотрела, как счастливая парочка Бородиных проводит выходной день. Гуляет в парке, например.

– Я её видела, – вздохнула Ирина. – Она встречала тебя около института.

Такое могло быть, Катя иногда встречала его после работы. Правда, это было давно. Считай, в другой жизни.

Находиться в клинике было легче. Аркадий Львович осматривал больных, выслушивал коллег, просматривал записи историй болезни и на какое-то время забывал, что Ольги больше нет. Потом вспоминал и удивлялся, что все вокруг не замечают – он сам умер вместе с Ольгой. Конечно, коллеги ему сочувствовали, старались не улыбаться в его присутствии, говорили негромко и всем своим видом выражали готовность немедленно услужить. Его прежнего это здорово бы раздражало, но он не был прежним, он стал мёртвым, и ему теперь наплевать на коллег.

Тяжёлых больных в отделении не оказалось, и это было плохо, потому что, отвлекаясь от рутины неотложных дел, он не видел перед собой ничего, кроме мёртвого лица жены. Иногда ему казалось, что, если бы не тайна, которую он знает, и не необходимость что-то делать с этой тайной, он совершил бы самый малодушный в жизни любого мужчины поступок – напился бы снотворного и упокоился рядом с Ольгой.

Жену привезли, когда он выходил из операционной. Он тогда не то чтобы не понял, что женщина на каталке его Ольга, просто не сразу это осознал. Пытался нащупать пульс, как пытался бы нащупать его у любой другой больной, и понимал, что пульса нет и всё бесполезно. Реаниматологи, конечно, пытались что-то предпринять, но все понимали, что сделать ничего нельзя.

Потом какие-то люди из полиции говорили ему, что машину, убившую его жену, нашли брошенной в соседнем дворе, и пытались выяснить, мог ли кто-то намеренно её сбить, а он называл такое предположение бредом.

Ей не просто желали смерти, её убили, и Аркадий Львович знал кто. То есть того, кто сидел за рулём, он не знал, конечно, да ему было всё равно, кто совершил наезд, он знал главное – почему погибла Ольга.

Теперь ему предстояло принять решение.

Здание поликлиники охранялось, но всё равно идти по опустевшему по причине позднего времени коридору было

неприятно. Кате вообще было не по себе с тех пор, как она увидела падающую на асфальт Ольгу. Она подбежала к своей медсестре первой и сразу поняла, что травмы едва ли совместимы с жизнью, всё-таки общее медицинское образование у неё есть, хоть она и офтальмолог.

Несколько дней назад Ольга принесла в кабинет ноутбук.

– Я оставляю его ненадолго, – попросила она Катю.

– Оставляй, конечно, – разрешила та.

Ноутбук необходимо вернуть Аркадию Львовичу. Сегодня Катя специально захватила из дома большую сумку, и сейчас она заметно оттягивала её руку.

Выйдя на улицу, Катя постаралась не смотреть на пешеходную зебру, которую не пожелал заметить Ольгин убийца, и всё-таки посмотрела. В тот проклятый день Ольга окликнула её через улицу, махала рукой и спешила к ней, но откуда появилась машина, Катя не видела. В тот момент она не видела ничего, кроме взлетевшего вверх и со стуком упавшего тела.

Работать без Ольги было непривычно и тоскливо. Катя поправила на плече ремень тяжёлой сумки, шагнула с крыльца поликлиники.

– Екатерина Фёдоровна!

Катя повертела головой и не сразу узнала сегодняшнего пациента – Бориса Михайловича Корсакова. Борис Михайлович улыбался ей, стоя у серой машины с букетом белых

роз. Розы были хороши, машина тоже. В марках автомобилей Катя не слишком разбиралась, но что иномарка дорогая, понять оказалось нетрудно.

Пациент был занятный, Катя таких за все годы работы в поликлинике не встречала ни разу – редкий в наше время человек со стопроцентным зрением.

– Зрение решил проверить, – объяснил ей в кабинете Борис Михайлович.

– Похвально, – справедливо заметила Катя, а про себя подумала, что жизнь у нас какая-то неправильная, если вполне естественное желание здорового мужика следить за своим здоровьем кажется не вполне нормальным, особенно если учесть, что очереди к ней в кабинет в районной поликлинике впечатляют.

И не лень ему было в очереди сидеть, подумала Катя, глядя на дорогущую иномарку. На бедного он не похож, вполне мог бы в платную клинику сходить.

– Это вам, Екатерина Фёдоровна, – шагнул к ней Корсаков.

Пациент не уступал ни розам, ни машине. Красавец, такому только в сериале сниматься, домохозяйки от экрана не оторвутся.

– Я назначала вам свидание? – зло спросила Катя. Зря она так, парень, кажется, обиделся.

Впрочем, какое ей дело до господина Корсакова? Ей бы со своими проблемами разобраться.

Она бы умерла от счастья, если бы Глеб встретил её после работы с букетом роз.

– Нет, – покачал головой красавец Борис Михайлович. – Я вот... на свой страх и риск.

– Зря, – кинула Катя.

– Ну... Возьмите, не выбрасывать же, – сокрушённо развёл он свободной от роз рукой.

– Борис Михайлович, букет я возьму, не выбрасывать же в самом деле, но... – Катя покосилась на белую пешеходную зебру, на которой уже не было Ольгиной крови. – Я не ищу любовных приключений, это понятно?

– Понятно, – усмехнулся Корсаков, протягивая ей букет. – Я учту. А довезти до дома вас можно?

– А вот довезти до дома можно, – решила Катя. Сумка действительно оттягивала руку.

Пусть везёт, если ему охота.

– Я живу совсем рядом, – сказала она.

– Жаль.

– Вы влюбились в меня с первого взгляда? – усмехнулась Катя, садясь в машину.

– Нет, – признался Корсаков, усаживаясь на водительское сиденье. – Но... заинтересовался.

– Честно, – похвалила она.

К счастью, разговорами Корсаков больше не надоедал, посадил её у подъезда, кивнул на прощанье и уехал.

Вечер выдался чудесный, тёплый, осень опомнилась, на-

чала радовать запоздалым бабьим летом. Таким вечером хорошо бродить где-нибудь по Замоскворечью, раньше они с Глебом часто гуляли по Москве. Потом перестали.

– Катя! – На лавочке с крошечной чихуахуа Чапой сидела Лена из дома напротив. Она всегда гуляла с собачкой, сидя на лавочке. Чапа топтался у её ног, пытаясь забраться к хозяйке на колени.

Катя познакомилась с соседкой случайно. Года два назад Лена, неудачно паркуясь, легко толкнула машину Глеба, при этом испугавшись и расстроившись больше, чем сам хозяин, всегда философски легко относившийся к любым бытовым неурядицам. Потом Лена долго извинялась, встречаясь с Глебом и Катей, и всё пыталась их отблагодарить за то, что не стали вызывать гаишников. Глеб злился, а Катя незаметно с соседкой подружилась. Пожалуй, не будь Ольги, она считала бы Лену ближайшей подругой. Впрочем, Катя никогда не задумывалась над тем, кем ей приходится Ольга. То есть приходилась.

– Привет! – Катя с букетом и ноутбуком в сумке пристроилась рядом с соседкой. Теперь Чапа попытался забраться на колени к ней, и она погладила его по голове.

– Поклонник появился? – кивнула на букет Лена.

– Пациент. В смысле, на приём ко мне сегодня приходил.

– И что у него с глазами?

– Всё в порядке у него с глазами. Всем бы такие.

– А чего тогда приходил?

– Зрение проверить. Делать нечего, вот и пришёл.

– А потом с цветами встретил?

– Угу.

– Слушай, – ахнула Лена. – Он тебя где-нибудь увидел и влюбился! Точно. А на приём пришёл просто так, чтобы повод иметь.

– Точно, – хмыкнула Катя. – Увидел и втюрился. На всю жизнь.

– А что? – Соседка принялась разглядывать Катю, будто впервые увидела. – Он мог встретить тебя в поликлинике. Ну... болел гриппом, например, а ты по коридору шла...

– Кончай, – поморщилась Катя. – Вот глупость-то.

Чапа скулил под ногами, Катя опять его погладила.

– Ничего не глупость. Катя, ты очень красивая, только... запущенная немного.

– Точно, – согласилась та. – Немного запущенная.

Ещё бы ей не быть «запущенной», если они с Глебом давно не ходили гулять. Они даже почти не разговаривали по вечерам.

– Нет, точно. Я понимаю, у тебя горе, мама умерла, но всё-таки... Тебе нужно побольше о себе заботиться. Почему ногти не красишь?

– Ленъ.

– Ленъ ей! – Соседка смиростивилась, взяла Чапу на руки. – Ухаживать за собой нужно через ленъ. Ты ему сказала, что замужем?

– Он не спрашивал.

– Скучно с тобой, – пожаловалась Лена. – Мне бы мужика с цветами и с такой тачкой. Кем он работает, не знаешь?

– Не знаю. Пойду я, – поднялась Катя. – Устала.

Вечер был хорош. В такой не хотелось идти домой, даже если бы там её кто-то ждал. Катю никто не ждал.

Бородин опять позвонил жене, как только самолёт замер на лётном поле, и опять она оказалась недоступна. Ничего странного в этом нет, наоборот, было бы странно, если бы телефон оказался включённым, время приёма больных ещё не кончилось, но почему-то это его неприятно кольнуло.

Он едва успел достать немногие вещи из сумки, сунуть их в шкаф гостиничного номера, как появилась Ирина, хозяйски что-то переложила и перевесила.

– В ресторан? – повернулась она к нему, закрывая шкаф.

– Пойдём, – согласился он.

Звонить Кате было рано, за едой удобнее всего убить время, тем более что ресторан находился здесь же, в гостинице.

Когда молоденькая официантка принесла блюда, он понял, как проголодался.

– Гле-еб. – Ирина протянула через стол руку, погладила его по запястью. – Ты рад, что у нас впереди столько времени?

Нужно сказать, что рад, счастлив, ни о чём другом думать не может.

– Я приехал работать, Ирочка. – Бородин осторожно высвободил руку, слегка пожав её пальцы. – Давай думать о деле.

– Не хочу. Я хочу думать о тебе.

Бородин доел мясо, подождал, когда уберут тарелки.

– Ира, мне очень хорошо с тобой, но тебе нужно устраивать свою жизнь. – Ему не хотелось этого говорить, он знал, что причиняет ей боль.

– Не надо об этом. Меня вполне устраивает моя жизнь. – Ирина откинулась на спинку стула. Ей нельзя допускать никаких объяснений. Сейчас у неё есть цель, и она её достигнет. – Погуляем? Пойдём, погода хорошая, город посмотрим.

Погулять по приволжскому городу было бы неплохо, но ему очень хотелось дозвониться Кате.

– Не будем терять время. Народ съезжается, попробуем поймать кого-нибудь в гостинице, – отказался Бородин.

– Ладно, – согласилась она. Ирина всегда с ним соглашалась, она же ему не жена, ей характер показывать опасно, за просто можно остаться без него, Глеба.

Ей очень хотелось стать его женой. Она заговорила об этом только раз, с месяц назад, и то случайно, просто сорвалось с языка. Ничего хорошего из этого не вышло, тогда у его жены только-только умерла мать, Глеб разозлился, объяснил Ирине, что аморально говорить об этом в такой момент, как будто иметь любовную связь на стороне не аморально.

Бородину повезло, в холле гостиницы они встретили питерских коллег, Ирина тактично и незаметно исчезла, оставив его беседовать со знакомыми мужиками. Тактичность её Бородина немного удивила, ему казалось, что этого Ирка лишена начисто. Наверное, он всё-таки к ней несправедлив.

В номере он появился только через час, опять стал звонить Кате, боясь, что в любой момент может появиться Ира. Номер не отвечал, он позвонил на городской и облегчённо вздохнул, услышав наконец голос жены.

– Ты чего телефон не включаешь? – буркнул Бородин.

– Забыла, – вздохнула Катя. – Как добрался?

– Нормально. Как дела у тебя?

– Тоже нормально.

Они не только по телефону, они и дома в последнее время разговаривали точно так же, два-три слова – и весь разговор. Когда-то они говорили часами, он знал всё, что делалось в её поликлинике, а она знала и помнила по рассказам Глеба всех его коллег. Даже подсказывала ему, когда у кого-то намечался день рождения, у Кати была отличная память на даты.

Потом в его жизни появилась Ирина; всё, что касалось работы, он стал обсуждать с ней, и разговоры с Катей потихоньку сошли на нет.

На какое-то время жена вообще перестала его интересоваться, выходные стали казаться изнуряюще долгими, а сама Катя тусклой серой мышкой в сравнении с яркой, смешливой и деятельной Ириной. Это длилось недолго, и сейчас он

дорого дал бы, чтобы Ирка никогда в его жизни не появлялась.

Но даже тогда он понимал, что никогда не бросит Катю. Ему ничто не мешало уйти от жены, детей у них нет, Катя вполне себя обеспечивает и имеет все шансы найти себе лучшего мужа. Он знал, что не уйдёт. Чтобы жить, чтобы работать, думать о чём-то постороннем, ему необходимо знать, что с Катей всё в порядке, что ей хорошо, а он отлично знал, что без него хорошо ей никогда не будет.

– Ну пока. Завтра телефон не забудь включить, я беспокоюсь.

– Глеб, – неожиданно сказала Катя. – Если ты живёшь со мной из жалости, не надо.

– Что?! – опешил он. – Что на тебя нашло? Ты спятила?

– Я не слепая и не умственно отсталая. Перестань, Глеб, у меня есть глаза, и я всё вижу.

– Что?! Что ты видишь?! – как можно искреннее возмутился он.

– Что я тебе в тягость. Глеб, кончай. Мы с тобой друг друга давно и хорошо знаем, не надо делать вид, что у нас всё отлично.

– Катюха, не выдумывай ерунды, – попросил он. – Я просто устал в последнее время. Если я тебя чем-то обидел, ты меня прости. Только не придумывай ничего. Не дури, а то я работать не смогу. Не будешь?

– Ты меня любишь?

– Я тебя очень люблю, Кать. Пожалуйста, не придумывай ничего.

– Не буду. – Он с облегчением почувствовал, что жена улыбнулась. Он сказал то, что она хотела услышать, даже удивительно, что это у него так хорошо получилось.

Нужно кончать с Ирккой, он не может потерять Катю.

Бородин положил телефон на стол, пошёл открывать дверь на раздавшийся стук.

Ирина радостно засмеялась, обняла его, уткнулась ему в грудь. Нужно кончать, опять тоскливо подумал он, но ничего не сказал, и она осталась до утра.

Ужинать не хотелось. Катя заварила травяной чай, подождала, пока немного остынет, отпила, подумала и, вылив остатки в раковину, заварила чаю нормального, крепкого, безо всяких добавок. Посидела, глядя в тёмное окно, и сходила в комнату за лежащими на столе мамиными записями.

Записи не давали ей покоя. Мама была хирургом, работала много и увлечённо. Она и умерла на работе, прямо в ординаторской, ночью, во время дежурства. В то утро ей позвонила из больницы старшая сестра, которую Катя давно знала, она часто заходила к маме, больница находилась совсем рядом. Медсестра говорила, а Катя словно впала в ступор и никак не могла осознать услышанное. Почти сразу в квартире появилась Ольга, видимо, Аркадий Львович сообщил ей о смерти коллеги. Мама и Ольгин муж давно работали в

одном отделении. Катя и Ольга зачем-то отправились туда, хотя мамы там уже не было, её отвезли в морг. Очень скоро приехал брат Илюша, они стояли в больничном дворе, разговаривали о похоронах, о поминках, смотрели, как к приёмному отделению подъезжают машины «Скорой помощи». День выдался жаркий, но Катя мёрзла.

Она заплакала, только когда очутилась дома, и Ольга поила её горячим чаем, а приехавший с работы Глеб совал ей в руки рюмку с коньяком.

В компьютер она полезла просто так, мама в последнее время составляла некое подобие родословной, и Катя надеялась найти там что-то новое и интересное.

А нашла совсем другое... отсканированные медицинские записи, заключения, ей, далёкой от хирургии, не полностью понятные, которые почему-то не давали Кате покоя.

Больной умер после операции, такое случается, к сожалению. Смущало только одно, что мама сочла необходимым собрать документы о смерти этого пациента. Одного только Станислава Никифорова двадцати шести лет от роду, больше ничего, касающегося работы, в её компьютере не оказалось. Она вообще старалась дома отвлекаться от работы, так было всегда, сколько Катя себя помнила.

Дома мама рассказывала о больнице только то, что не касалось собственно работы: у кого-то из персонала родился ребёнок, кто-то женился, или развёлся, или вышел на пенсию.

Впрочем, мама давно жила одна – папа умер почти сразу после Катиной свадьбы, Илюша женился и ушёл из дома ещё раньше, и с тех пор многое могло измениться.

Просмотрев в очередной раз бумаги, которые давно распечатала на принтере, Катя в который раз велела себе не морочить над ними голову, подзарядила почти разряженную электронную книгу, мамин подарок на прошлый день рождения, и улеглась с новым женским детективом, скачанным накануне из Интернета за сущие копейки.

Первое октября, вторник

Сегодня день выдался на удивление лёгкий, несколько записавшихся пациентов на приём не явились, и Кате удалось раскидать очередь на сорок минут раньше окончания приёма. Светлана Васильевна, самая пожилая медсестра в отделении, которую временно определили работать с Катей, выглянула в коридор и удовлетворённо заметила:

– Никого.

– Ну и отлично, – вздохнула Катя.

– Ты знаешь, машину-то, которая Олю сбила, нашли. Вроде бы она в угоне значилась.

– Знаю.

– До чего же жалко девуку.

– Жалко, – подтвердила Катя.

Она не предполагала, что без Ольги будет чувствовать себя совершенно потерянной. Впрочем, ей вообще не приходило в голову, что она вдруг окажется без Ольги, без возможности ей позвонить или хотя бы написать.

А ведь поначалу Ольга Кате не понравилась. Женитьба маминого начальника Аркадия Львовича Перовского, известного хирурга, любимца женщин, на молоденькой медсестре оказалась неожиданной для всех, кто его знал. Медсестра не отличалась красотой, была неприметной, и Катя, часто заходившая к ним в отделение и знавшая там всех се-

стёр, даже не сразу поняла, о ком речь, когда сногшибательная новость распространилась по больнице.

Женившись, Перовский постарался перевести молодую жену из больницы в ближайшую поликлинику, и по воле случая Ольга стала работать с Катей.

И вот ведь странно, обе они особой разговорчивостью не отличались, с откровениями друг к другу не лезли, но очень скоро стали понимать друг друга почти без слов, с полувзгляда, как примерные супруги, прожившие вместе целую жизнь.

Катя увидела в медсестре то, что та никогда не выставляла напоказ, – поразительную чуткость и ненавязчивую отзывчивость. Редкой доброты девочка, говорила об Ольге мама, когда никто и не думал, что на ней женится сам Перовский.

Таких, как Ольга, на свете больше нет, это Катя знала точно. Непонятно только, как Перовский разглядел в неприметной медсестре эту доброту. Впрочем, он мог жениться не на доброте, а на чём-то другом, видимом только ему одному.

Ольга единственная знала, что с Глебом у Кати всё пошло наперекосяк. Никто не догадывался, ни мама, ни Илюша, только одна Ольга. И не потому что Катя об этом сказала: она редко с кем-то откровенничала, а так... сама догадалась. И тут вышло удивительное, Ольга ни одним словом не дала понять, что догадывается о её семейных неурядицах, а Катя понимала – она знает. Знает и очень переживает за неё.

– Как думаешь, найдут водителя? – Светлана Васильевна положила голову на сцепленные руки, потрясла головой.

– Не знаю. Хотелось бы, чтобы нашли.

Время вышло, Светлана Васильевна засобиравалась, Катя тоже.

Идти по осеннему городу было приятно. Деревья у домов уже желтели, но листья ещё не опадали, в такую пору хорошо бы съездить за город, в лес, побродить по узким тропинкам, вороша ногами опавшие листья.

Этой весной, когда деревья только покрывались листвой, Глеб однажды обещал встретить Катю после работы, но позвонил, сказал, что задерживается, идёт в ресторан с приехавшими к ним в фирму австрийцами. Тогда Катя уже начала понимать, что с мужем что-то происходит, но ещё отказывалась в это верить. Они с Ольгой сняли халаты, Катя сунула телефон в сумку, стала прощаться.

– Давай в парк сходим, – предложила Ольга. – Погуляем, хорошо очень на улице.

Она не могла знать, что Катя собиралась гулять с Глебом. И всё-таки знала.

Кате хотелось домой, в тёплую ванну, хотелось заснуть и не думать о Глебе и о том, что ему всё чаще что-то мешает быть с ней.

– Давай, – неожиданно согласилась она.

Они долго бродили по безлюдным дорожкам, изредка встречая собачников, разговаривали ни о чём, случайно вышли к неприметному ресторану, усидели бутылку вина. Придя домой, Катя сразу заснула и не слышала, когда вернулся

Глеб...

Подойдя к дому, она задержалась около машины мужа, одиноко стоявшей около подъезда, стряхнула упавший на крышу жёлтый тополиный лист.

Поднявшись в квартиру, она в раздумье застыла в прихожей, потом нашла в тумбочке ключи от машины и решительно спустилась вниз. Адрес больного, заинтересовавшего маму, Катя помнила наизусть.

В подъезд заносили стройматериалы рабочие-мигранты, Катя зашла вместе с ними, поднялась в лифте, долго звонила в нужную квартиру. Если бы дома кто-то был, ей бы уже открыли. Катя повернулась и, не успев отойти от двери, почти столкнулась с совсем молоденькой девушкой, с любопытством на неё смотревшей. Девушка была раскрашена как на маскарад, глаза обведены тёмно-фиолетовым, ресницы же отливали синевой. Старшеклассница, решила Катя.

Девушка подошла к соседней двери и опять искоса посмотрела на неё.

– Простите, вы не знаете, ваши соседи дома? – решила спросить Катя и добавила полуправду: – Я врач.

– Разве они вызывали врача? – с удивлением спросила девушка. – Их нет в Москве, они к родственникам в Питер уехали.

– Извините, – растерялась Катя.

Ничего путного из её расследования получиться не мог-

ло, нечего было сюда приезжать и строить догадки на пустом месте.

– Вы врач из нашей поликлиники? – Девчонке было любопытно и хотелось выглядеть взрослой.

– Нет, я провожу научное исследование и хочу понять, почему Станислава не удалось спасти. Я хотела узнать у его родителей, чем он болел, была ли у него аллергия или вредные привычки. Понимаешь? – с умным видом сочиняла Катя.

Со взрослым такая чушь вряд ли прошла бы, а девчонка понимающе кивнула.

– Ты своего соседа знала?

– Всю жизнь, – важно пояснила девочка, а Катя неожиданно поняла, что соседа ей искренне жаль.

– Ты знаешь, как он попал в больницу?

– Знаю. Они на даче были, Стасик несколько дней плохо себя чувствовал. Сначала думали, отравление. Только потом запаниковали, позвали соседа-хирурга, он и отвёз Стаса в больницу. И оперировал сам. Операция удачно прошла, – по-взрослому ответила девочка и вздохнула. – Лучше бы никакой операции не делали.

– Нет, ты не права, – покачала головой Катя.

Насколько она понимала, аппендицит парню удалили правильно и крайне своевременно, дольше тянуть было нельзя. Непонятно только, зачем понадобилось везти этого Никифорова в Москву, а не в ближайшую больницу. Впрочем, по пустой ночной дороге до Москвы можно добраться за полчаса.

– Ты не знаешь, где у соседей дача? – спросила Катя, понимая, что больше ничего ценного не узнает.

Почему маму так заинтересовала смерть этого пациента?

Девушка назвала место. Правильно, именно там у Перовских дача. И это действительно рядом с Москвой. Хирург Перовский правильно повёз парня к себе в больницу. В его отделении такие операции делали сотнями.

Операция прошла успешно, только через три дня Стас умер.

– Как тебя зовут?

– Ксюша.

– А я Екатерина Фёдоровна. Спасибо, Ксюша. До свидания.

– Знаете, – с грустью вспомнила соседка. – Стасик в последнее время был такой весёлый. Машину купил, «Хёндэ», новую. Меня покатал. Мои родители ещё недоумевали, откуда он деньги взял.

– Почему недоумевали? Он же работал, – не поняла Катя. Как следовало из бумаг, Станислав Никифоров был инженером. – Зарплату получал. Накопил денег и купил. Или кредит взял.

– Ой, – забавно махнула рукой девочка. – Это такой бездельник был! Хотя и нехорошо о покойниках так говорить. Его мой папа к себе в фирму устроил, так не знал потом, как от него отделаться. Работу Стас прогуливал, папе перед сотрудниками было стыдно такого лодыря держать. Какие там

деньги!

Катя с трудом удержалась от улыбки, девчонка явно копировала кого-то из взрослых.

Распрощавшись с фиолетовой Ксюшей, Катя спустилась вниз. По дороге домой она опять пообещала себе не думать о Станиславе Никифорове. В конце концов, умерший большой – далеко не единственное, о чем она больше не может спросить у мамы.

Ирина разозлила Бородину всерьёз.

После заседания, как обычно, участники конференции стояли кучкой, обсуждали заслушанные выступления. Утром докладывал Костя Сабуров из Нижнего. Он был совсем молод, но уже известен среди специалистов не столько за выдающиеся успехи, сколько за пробивную настойчивость, с которой постоянно мелькал на выставках, конференциях и в кабинетах московского руководства. Пару лет назад Бородин лично писал ему отзыв на кандидатскую, уже тогда догадываясь, что выпускает будущего конкурента.

Сабуров докладывал о схожей с разработкой Бородина системе. Конечно, Костина система уступала по всем параметрам, и в настоящее время серьёзной опасности Сабуров не представлял.

Косте задавали вопросы, он отвечал и весь светился от успеха и радости, по молодости ещё не привыкнув к обычным для такого мероприятия разговорам.

– Как система поведёт себя в аварийных ситуациях? – задал вопрос не знакомый Бородину мужик из головной компании.

Костя замялся, и тут влезла Ирина.

– Система не распознает аварийной ситуации, – с сочувствием объяснила она, робко глядя на спросившего.

Именно об этом Бородин шепнул ей во время Костиного доклада, сама она никогда бы не додумалась.

Ирина выглядела несчастной девочкой-студенткой, испугавшейся собственной смелости, раньше Бородин так и подумал бы – вылезла сдуру и теперь до слёз об этом жалеет. Теперь он догадывался, что необдуманных поступков его любовница не совершает.

– В этом плане систему стоит доработать, – пожалел Глеб Сабурова, – но в целом разработка стоящая, перспективная. Ты со мной свяжись, Костя, попробуем наши системы склеить.

На Ирину он посмотрел только в номере.

– Какого чёрта ты полезла? Кто тебя за язык тянул? – еле сдерживаясь, прошипел он, схватив её за плечо.

– Но... – испуганно пролепетала она. – Сабуров может нас обойти.

– Он никогда нас не обойдёт! Он отстаёт на несколько лет, и все это понимают. А ты просто нажила врага, и больше ничего.

– Я не подумала, Глеб, извини, – быстро и неожиданно её

испуг и робость сменились спокойной уверенностью. – Ну сам посуди... Нужно бояться не врагов наживать, а без заказов остаться.

– Пока я решаю, что нужно! – Ему захотелось потрясти её, и он от греха убрал руки за спину. – Чтобы больше рта не раскрывала, поняла?

Катя никогда бы так не поступила, неожиданно подумал Бородин и тут же удивился, что сравнивает Ирину с женой, раньше он никогда этого не делал. До сих пор он жил в двух не пересекающихся мирах, в одном были работа, Ирка, успехи и провалы, а в другом тихие вечера с Катей и твёрдая уверенность, что дома его всегда ждут.

– Поняла, – вздохнула Ирина, жалобно уткнувшись ему в грудь. На её лице опять появились испуг и робость, и никакой уверенности не осталось. – Прости, Глеб. Не знаю, что на меня нашло. Не беспокойся, я больше рта не раскрою. Правда.

У неё всегда мастерски получалось выглядеть несчастной и обиженной, совершая не слишком красивые поступки, только почему-то раньше Бородина это не злило.

– Ладно, проехали. – Он погладил её по спине, мягко освободился, отошёл к окну, посмотрел на малолюдную улицу.

Катя никогда бы не выставила глупенького Костю на всеобщее посмеище. И вообще не полезла бы со своим мнением к людям, куда как лучше разбирающимся в проблеме.

– Ира, я хочу душ принять.

– Ухожу. Погуляем вечером?

– Погуляем.

Негромко стукнула дверь. Бородин достал отключённый на время заседания телефон, набрал жену.

– Привет, Катюша, как дела?

– Нормально. А у тебя?

– Тоже нормально. Вечер хороший. Тепло, тихо, пойду прогуляюсь по городу.

Она промолчала. До Ирки он бы не поверил, что разговоры с женой могут свестись к нескольким словам.

– Катя, я очень соскучился, – честно сказал Бородин. Ему так захотелось обнять её, рассказать про Костю и забыть про Ирину, что самому стало удивительно.

– Я тебя очень жду, Глеб.

Он в этом не сомневался. Он бы не смог жить, если бы сомневался в Кате.

– Пока.

– Пока.

Через час появилась Ирка, пахнувшая новыми незнаемыми духами, и он покорно поплёлся на улицу, мечтая поскорее очутиться опять в номере, скачать из Интернета какую-нибудь белиберду про монстров и провалиться с этой белибердой до позднего вечера.

Аркадий Львович знал, что нужно поужинать, но есть

не хотелось, даже думать о еде было противно. Он заварил очень крепкого, как всегда любил, чаю, выпил, не чувствуя ни вкуса, ни запаха, лёг на диван и устался в потолок, точно зная, что впереди ещё одна бессонная ночь. По-хорошему, надо принять снотворное и наконец выспаться, но он так и лежал, уставившись в никуда и ни о чём не думая.

Неожиданно громко прозвучал звонок городского телефона. Аркадий Львович протянул руку, нашарил трубку лежавшего на полу аппарата, поднёс к уху, догадываясь, что сейчас услышит голос первой жены Марины. Никто больше на городской ему не звонил, даже непонятно, за каким чёртом они с Ольгой оплачивали стационарную связь.

– Ты как, Аркаша? – заботливо спросила Марина.

– Никак, – буркнул он.

– Ты что-нибудь сегодня ел?

– Кончай, Марина, – поморщился он.

– Оттого, что ты будешь себя истязать, никому лучше не станет.

– Перестань. Я себя не истязую, что за бред. – Бывшая жена переживала за него искренне, он это знал. Но и она знала, что ему не нужны пустые слова и пустое сочувствие. Может быть, потом. Не сейчас.

– Постарайся заснуть.

– Постараюсь.

Он на ощупь положил трубку на аппарат и вдруг пожалел, что больше не слышит Марининого голоса.

Они поженились давным-давно и давным-давно развелись. Если бы не Саша, наверное, никогда и не вспоминали бы друг о друге.

Сашенька родился, когда Марина кончала институт, а Аркадий только начинал работать. Собственно, ребёнок был не нужен ни ему, ни ей, они были слишком молоды, слишком увлечены работой, карьерой. Сын мешал ужасно, но они старались быть хорошими родителями. Они и супругами старались быть хорошими, но прожили меньше трёх лет.

Марина, тоже хирург, мечтала об учёной степени, по ночам сидела над бумагами и вечно хотела спать. Аркадий старался ей помочь, но был для этого слишком занят, слишком уставал в клинике и вместо помощи только создавал лишние хлопоты.

Разошлись они мирно, как и полагается интеллигентным людям. Раньше Аркадию казалось, что только так и должно быть. Через много лет, женившись на Ольге, он понял, что просто не любил Марину. А она не любила его. Влюблённость и хорошие отношения – ещё не любовь.

После развода Аркадий долго не женился, почти десять лет. Аллочка была полной противоположностью Марине, она вылизывала квартиру и пекла невообразимо вкусные пироги, светилась радостью, когда он появлялся на пороге, и чуть ли не ходила на цыпочках, когда он брал в руки книгу или бумаги. При этом она была совсем не глупа, она оказалась великолепным терапевтом, с чутьём и интуицией, чи-

тала модные книги и посещала модные выставки. Она была чудесной и преданной женщиной, но он чуть ли не пел от счастья, когда оставался дома один.

Второй развод, хотя, слава богу, детей у них с Аллочкой не было, прошёл не так гладко, как первый. Она плакала, Аркадий чувствовал себя виноватым и несчастным, жалел, что заговорил о разводе, и понимал, что пути назад нет.

После развода с Аллочкой он решил, что никогда больше не женится. Тогда он искренне считал, что счастливых браков не бывает в принципе, а бывают только взаимное уважение, терпимость и привычка.

Ему сейчас было бы намного легче, если бы он до сих пор продолжал так считать.

Марина права, ему необходимо выспаться. Аркадий Львович встал, нашёл в аптечке легкое снотворное, запил минеральной водой без газа и провалился в некрепкий тревожный сон.

Второе октября, среда

Днём шёл дождь, унылый, по-настоящему осенний, с ветром, рвущим зонты; Катя вымокла, добираясь до работы. А после обеда в окно засветило солнце, захотелось пройтись, ни о чём не думая, как она любила когда-то в юности.

Приём она опять закончила раньше положенного времени, дожидаясь конца рабочего дня, поболтала со Светланой Васильевной. Выйдя из кабинета, Катя прикинула, зайти ли в магазин за продуктами или можно потерпеть до завтра. У окна над козырьком входа в поликлинику она остановилась случайно, посмотрела вниз, где раньше её часто ждал Глеб. Внизу у чёрной «БМВ», припаркованной в нарушение всех правил на тротуаре, прогуливался Борис Михайлович. Букета на этот раз у него не было, Корсаков поглядывал на вход в поликлинику, и что-то Кате подсказывало, что ждёт он её.

– Екатерина Фёдоровна, – как она и ожидала, шагнул к ней Корсаков, когда она вышла из здания. – Добрый вечер.

– Добрый вечер, – кивнула Катя.

– Можно я вас провожу? – без улыбки спросил он.

– Нет.

Он не удивился, только нахмурился и посмотрел в сторону.

– Почему? Разве я вас чем-то обидел?

– Вы ничем меня не обидели, просто я не хочу, чтобы вы меня провожали.

– Почему?

– Потому что устала и не желаю ни с кем разговаривать, – объяснила Катя. – Кроме мужа.

Он молчал. Катя повернулась и, не оглядываясь, зашагала к дому.

– Подождите, – окликнул он её, но она не оглянулась.

У большого торгового центра она чуть не поскользнулась, наступив на мокрый лист, и наверняка упала бы, если бы её не подхватила твёрдая сильная рука.

– Катя, послушайте, – Корсаков отпустил её, зачем-то отряхнул ладонью рукав её куртки и уставился в сторону.

– Вы что, спятили? – прошипела она. – Не смейте за мной ходить! Не ходите за мной больше, ясно вам?

– Мне просто хотелось вас проводить.

– Вам больше некого провожать?

– Я хочу провожать вас.

– Борис Михайлович, перестаньте, – поморщилась Катя. – Либо скажите, что вам от меня нужно, либо больше не появляйтесь. Я не хочу ни от кого прятаться, и не вынуждайте меня принимать какие-то меры.

– А если скажу, можно появляться? – Катя, не глядя на него, почувствовала, что он улыбается.

– Это зависит от вашего объяснения.

– Вы мне нравитесь. Я хочу вас видеть.

– Перестаньте! – поморщилась она. – Меня не устраивает ваше объяснение.

– У меня нет другого.

– Не приходите больше. Ясно вам?

– Ясно, – кивнул он. – Давайте обменяемся телефонами. Если что... звоните.

– Я не собираюсь вам звонить, – опешила Катя. – Какого лешего мне вам звонить?

Повернулась и, стараясь не поскользнуться на мокрой плитке, сделала несколько шагов, когда он опять оказался рядом.

– Уходите отсюда, – прошипела Катя. – Отстаньте от меня!

Он молча повернулся и быстро пошёл к оставленной у поликлиники машине, Катя зачем-то смотрела ему вслед. Он ни разу не оглянулся.

Катя вздохнула, направилась к дому, но не свернула на нужном перекрёстке, прошла мимо входа в метро и долго бессмысленно бродила по улицам, пока не почувствовала, что устали ноги.

Отпирая дверь квартиры, она слышала, как надывается городской телефон, и еле успела снять трубку.

– Почему опять мобильник отключён? – недовольно спросил Глеб. – Не понимаешь, что ли, что я беспокоюсь?

– Забыла звук включить, – покаялась она.

– Почему пришла так поздно?

– Просто... Прогулялась. Погода хорошая.

– Катя, – попросил Глеб. – Не пропадай. Я правда чуть с ума не сошёл.

– Прости. Не буду.

Выпив чаю с бутербродами, она запустила стиральную машину, покидав в неё немногие грязные вещи, попробовала читать детектив, который всё никак не могла осилить до конца, и опять отложила.

Порылась в дисках, выбрала нераспечатанный новый американский детектив, включила компьютер и обнаружила, что дисковод не работает. Он заедал давно, но сейчас проклятая полочка совсем не хотела выдвигаться из нутра компа.

Почему-то от этого желание посмотреть фильм ещё больше усилилось. Катя вспомнила про Ольгин ноутбук, сиротливо лежавший в прихожей, решительно перенесла его в комнату и включила в сеть.

На «рабочем столе» компьютера она увидела только одну папку, названную конкретно и просто – фото. Ольга любила фотографировать, без конца щёлкала Катю и смеялась, когда та возмущалась.

– Смотри, как ты отлично получилась, – показывала ей Ольга экранчик телефона. – Настоящая красотка.

– Оля, отстань, – просила Катя. – Сотри. Фотографироваться надо, когда волосы уложены и губы накрашены.

– Да ладно, – смеялась Ольга. – Нормальные у тебя волосы. Подарю тебе через двадцать лет, и ты будешь меня благо-

дарить. Ты тогда станешь старая и некрасивая, приятно будет на себя молоденькую посмотреть.

– Сама ты станешь старая и некрасивая, – бурчала Катя и смеялась в ответ.

Они часто смеялись с Ольгой.

Мысль, что в чужом компьютере останутся её фотографии, была ей неприятна. Катя открыла папку, стала листать снимки, переписывая на флешку и удаляя те, на которых была она одна. Таких снимков оказалось немало, Катя много значила для Ольги, не только та для неё.

Катя в белом халате за рабочим столом, бледная, уставшая...

Она же у входа в поликлинику в съехавшем капюшоне...

Она в норковом манто у зеркала в магазине. Это было года два назад. Катя хотела купить шубу. Глеб, явившись, как обычно, к концу приёма, о предполагаемом походе в магазин забыл и, хотя старался это скрыть, болтаться по бутикам вообще не собирался.

– Пойдём со мной, – предложила Ольга. – От мужика в этом деле всё равно никакой пользы.

Катя мерила шубы, Ольга критически её осматривала и морщилась:

– Не то.

Катя и сама понимала, что «не то». Почему-то она, совсем не маленького роста и без грамма лишнего веса, становилась похожей на низкорослую коренастую тётку неопределённого

возраста в этих шубах.

От этого «не то» им обоим было ужасно весело, они и потом долго смеялись, выйдя ни с чем из дорогого бутика.

Катя купила шубу через неделю, зайдя с Глебом в неприметный магазинчик в центре, где они случайно оказались, гуляя вечером по городу...

Просмотрев фотографии, она вставила диск, подождала, когда фильм сам себя запустит, не дождалась и принялась искать программу для просмотра видео.

Она не остановила сразу возникшую на экране картинку только потому, что место было снято красивое: водоём, заросший камышом берег, розовеющие облака на синем летнем небе. Камера обзревала большой пруд или озеро, потом остановилась на лодке с сидевшей в ней парочкой и больше парочку не отпускала. Девушку было видно плохо, то со спины, то сбоку, а молодой человек виден был отлично. Он показался ей знакомым. Катя остановила запись, но лицо парня расплылось на экране и узнать его стало ещё труднее. Она опять запустила файл.

Из компьютера слышался негромкий шум летнего малолюдного пляжа, отдалённые голоса, ленивое карканье ворон.

Молодой человек, слегка раскачивая лодку, направил её к центру водоема. Девушка махала руками, забавно тянулась к вёслам. Всё произошло быстро. Парень раскачивал лодку, девчонка вцепилась в неё обеими руками, и в следующую секунду лодка перевернулась. Камера пометалась по водной

глади и выхватила плывущего к берегу гребца. Девушки видно не было.

Катя снова просмотрела запись, периодически приближая изображение сидящих в лодке, и на этот раз заметила то, что пропустила прежде, – парень был здорово пьян, и ему нравилось пугать девчонку. А она боялась, это было заметно.

Странно, Ольга ничего не рассказывала летом ни о каких происшествиях. А если бы она стала свидетельницей несчастного случая, обязательно рассказала бы.

Катя опять просмотрела запись, но ничего нового не обнаружила. Парень больше не казался ей знакомым, а лица девушки она так и не разглядела.

Конечно, девушка выплыла, спаслась. Не могла же Ольга спокойно наблюдать, как под водой исчез человек, да ещё и видео снимать при этом. Она бы первая кинулась на помощь.

Найдя припрятанную за книгами пачку сигарет, Катя вышла на балкон, закурила. Глеб ругался, когда видел её курящей, и сигареты она прятала.

А ведь она даже не знает, умеет ли Ольга плавать. То есть умела ли. Отдыхать на воде им вместе ни разу не довелось, а разговор об этом как-то не заходил.

Катя потушила сигарету, не докурив, и зачем-то опять стала внимательно изучать видео, временами поглядывая на лежащий рядом телефон. Очень хотелось, чтобы позвонил Глеб, но мобильный молчал.

Раньше она не стала бы ждать, когда муж позвонит. Она

позвонила бы ему сама и сказала бы обиженным тоном:

– Я жду-жду. Ты про меня забыл?

– Дурочка, – засмеялся бы Глеб. – Как я могу про тебя забыть? Замотался совсем.

Она перестала ему звонить, потому что Глеб больше не смеялся в трубку, говорил отрывисто и всячески давал понять, что она отрывает его от важных дел.

Катя посмотрела на часы и выключила ноут. Поздно, можно идти спать.

В этой командировке Ирка злила Бородина постоянно. Сегодня, долго разговаривая с потенциальным заказчиком, который предлагал внедрить систему в своём регионе, Глеб случайно бросил взгляд на стоявшую рядом Ирину и чуть не потерял дар речи – она лукаво кривила губы, глядя то на заказчика, то на него. Конечно, круг лиц, имеющих отношение к разработке, настолько мал, и места возможных поставок настолько известны, что не слышать о том, что в регионе осуществляется модернизация оборудования и на это выделены бюджетные средства, Бородин просто не мог. Не мог он не знать и другого: его разработка более других отвечает техническим требованиям. Конечно, заказ можно получить только через тендер, но безотносительно к тендеру склонить на свою сторону заказчика Бородин считал главной задачей.

Потенциальный заказчик задавал вопросы, Глеб отвечал, и Иркина ухмылка была неуместной и опасной, потому что

могла подразумевать некий предварительный сговор, что на фоне всеобщей борьбы с коррупцией выглядело по меньшей мере неосторожно.

Вообще-то никакой настоящей коррупции в отрасли не существовало, Бородин никогда не давал и не брал ни взяток, ни откатов. Впрочем, ему никто и не предлагал. Коррупции не было, а были просто хорошие отношения, налаженные связи и знание рынка.

Вот дура-то, с тоской подумал Бородин. К счастью, заказчик на Ирину не смотрел, а вот Глебу хотелось её придушить.

Ирина его бешенство мгновенно почувствовала, притихла, спряталась за спины собеседников.

Вообще-то, когда она появилась в его отделе, он сразу понял, что спеца из новой девочки не выйдет, и сбаврил её под начало руководителя одной из смежных групп. Всё изменилось, когда перед ответственной командировкой её начальник надолго слёг со сломанной ногой, и вместо него в северный Казахстан поехал Бородин, на всякий случай прихватив с собой молоденькую Иру. Всё-таки она своему шефу помогала, и больше брать было некого.

В той командировке Бородин впервые увидел цветущую степь и до сих пор считал, что большей красоты в природе не бывает. Он работал, Ирина искренне старалась ему помочь, но только мешала. Он злился, от этого чувствовал себя виноватым и, стараясь загладить вину, ходил с ней по вечерам гулять в степь, поскольку больше ходить было некуда.

Она смотрела на него влюблёнными глазами, ему это нравилось, он чувствовал себя очень умным и сильным, и всё это было похоже на внезапно вспыхнувшую любовь. Он и тогда и потом знал, что чувство его любовью не являлось, потому что была Катя, без которой ему не нужна ни Ирина, ни её взгляды.

Конечно, в Москве стоило немедленно с Иркой порвать, но он не смог. Она по-прежнему смотрела на него влюблёнными глазами, по поводу и без повода лезла к нему в кабинет, и он привык к двойной жизни. Он даже стал считать эту жизнь нормальной и злился на Катю, когда та отводила глаза, слушая его объяснения по поводу позднего возвращения...

Видимо, Ирина перепугалась здорово, потому что не подошла к нему после заседания, и он смог побыть в номере один в тишине. Он звонил Кате весь вечер и разнервничался всерьёз, и даже решил, что немедленно вернётся в Москву, если она не ответит. Катя ответила, жизнь снова стала нормальной, и, когда раздался робкий стук в дверь, Бородин крикнул:

– Заходи!

– Гле-еб, – жалобно протянула Ирка, усаживаясь рядом с ним на кровать.

Он слегка подвинулся, освобождая ей место, передумал и пересел в кресло.

– Глеб, ну извини.

– Отвяжись!

– Ну прости, Глеб. Но это так глупо выглядело... Он что, нас всех за дураков держит? Рассказывает, как будто мы ничего не знаем!

– Ира! – Бородин задержал дыхание, чтобы не заорать на весь номер. – Ира, существуют правила поведения, и их надо соблюдать, понимаешь? Это всё равно что говорить «здравствуйте» и «до свидания».

Она смотрела виновато, но он видел, что говорить бесполезно, до неё всё равно не дойдёт. Сам идиот, нечего было её сюда тащить.

– Завтра на заседании не появляйся! Поняла? Чёрт знает, как ты ещё умудришься меня подставить. – Она кивнула, и Глеб смилостивился. – На банкет вечером можешь пойти.

– А... ты пойдёшь?

– Конечно, – удивился он. – Я просто обязан там быть.

Ирина встала, подошла к окну, отодвинув занавеску, постояла и решительно села к нему на подлокотник кресла.

– Давай не будем о делах.

– Ира. – Он постарался отодвинуться и не смог, она была слишком близко. – Я женат и никогда не разведусь. Я не смогу бросить Катю.

– Не надо, Глеб, – попросила она. – Потом. Не сейчас.

– Хорошо, – покорно согласился он. – Не сейчас.

За дверью звонил телефон. Отпирая дверь квартиры, Аркадий Львович был уверен, что это Марина, а оказалось, что

сын.

Саша звонил нечасто и, как правило, в выходные, знал, что отец постоянно занят. Обычно Аркадий Львович звонил ему сам раз в неделю вечером.

– Ты как, пап? – с сочувствием спросил сын.

– Нормально. – Аркадий Львович пододвинул ногой стоявший рядом стул, сел.

– У меня к тебе просьба.

– Валяй.

Сын редко обращался к нему с просьбами, и эти просьбы обычно были привычные для врачей – посмотреть кого-то из больных. Саша ни разу не попросил денег, а когда был маленький – ни одной игрушки. Аркадий Львович приводил маленького Сашу в магазин, он послушно выбирал себе какую-нибудь машинку, никогда не забывая сказать спасибо. Рядом дети с криком выпрашивали у родителей подарки, и Аркадий Львович с Сашей с недоумением на них косились.

– У моего друга мать болеет. Что-то с венами, ей предлагают операцию. Посмотришь?

– Посмотрю. Пусть завтра приезжает. – Аркадий Львович, прижав трубку плечом к уху, записал в толстую потрёпанную записную книжку фамилию дамы. Книжка была старая и вся исписана его каракулями.

– Спасибо.

– Не за что. Как твои успехи?

– Работаем, – усмехнулся сын.

– Ну работай, дело хорошее.

Несколько лет назад Саша окончил юрфак. Аркадию Львовичу его специальность решительно не нравилась. Он считал, что в руках у мужика должно быть ремесло в хорошем смысле этого слова, а знание юриспруденции на ремесло никак не тянуло. Не хочешь идти в медицину, получай техническое образование, бурчал Аркадий Львович. А любителей языком молотить и без тебя хватит.

Сын его не слушал, конечно. Поработал в какой-то адвокатской конторе и совершенно неожиданно для родителей полез в политику. Его не одобряли ни Аркадий Львович, ни Марина, оба понимали, что дело это не очень чистое и просто опасное, для него нужно обладать определёнными качествами, в их семье не культивируемыми. Нужно уметь обманывать, недоговаривать, ловчить и не доверять людям, то есть делать всё то, чему они сына не учили. Конечно, он опять их не слушал.

Особенно и Марине, и Аркадию Львовичу не нравилось, что партийка, в которой Саша стал чуть ли не лидером, имела хоть и неярко выраженную, но националистическую окраску. Не обращайтесь внимания, смеялся сын, ерунда это всё. Необходимо использовать незадействованный электорат, только и всего.

– Пап, – голос сына звучал с неподдельным участием, – если что надо, ты скажи. Я всё сделаю.

– Не сомневаюсь, – поморщился Аркадий Львович. – Спа-

сибо, Саша, ничего мне не нужно, я справляюсь.

Перовский прошел в ванную, по привычке тщательно вымыл руки. Переоделся в домашний костюм, достал из бара бутылку водки и щедро плеснул в первую попавшуюся чашку.

К его последующим жёнам сын никак не относился. Вежливо здоровался, вежливо прощался. Аллочка мечтала, чтобы Саша её полюбил. Готовила к его приходу всякие вкусности, покупала игрушки, книги, расспрашивала про школу, но так никогда и не узнала, о чём мальчик думает.

Ольга при Саше как-то терялась. Думать про Ольгу было нестерпимо больно, и Аркадий Львович стал планировать завтрашний день.

Третье октября, четверг

Катя любила первую смену. Рабочий день уже кончился, а до вечера оставалась ещё масса времени. Выйдя из поликлиники, она поозиралась по сторонам и медленно пошла к дому. Сегодня красавца Корсакова не было, и Катя, к своему удивлению, почувствовала некоторое разочарование.

Дома она опять просмотрела найденное у Ольги видео, без конца останавливая изображение, постаралась выбрать кадр, на котором лицо парня в лодке было наиболее чётким, и переписала изображение на телефон.

Нашла в Интернете карту Подмосковья. Совсем рядом с дачей Перовских был большой водоём, Катя этого не знала.

Ольга наверняка снимала парочку на озере около дачного посёлка.

Катя приезжала на дачу Перовских лишь однажды, прошлым летом. Тогда им было не до озера, после жарких засушливых дней, как назло, полил дождь, и всё Катино пребывание в гостях ограничилось сидением на веранде. Посидели они с Ольгой отлично, выпили бутылку красного итальянского вина и хохотали уже и не вспомнить над чем. Вечером приехал Глеб, забрал Катю. Аркадия Львовича она тогда не видела, Ольга жаловалась, что он пропадает в больнице сутками.

Катя могла бы ездить к Ольге часто, но тогда и она, и Глеб

не мыслили проводить досуг порознь.

Катя закрыла ноутбук, спустилась к машине и менее чем через полчаса позвонила в дверь к девочке Ксюше.

Сегодня та была покрашена иначе, но тоже необычно: губы почти чёрные, а веки почему-то розовые.

– Здравсте. – Увидев ее, девочка не удивилась и даже, кажется, обрадовалась.

– Скажи, пожалуйста. – Катя протянула ей фотографию на экране телефона. – Это Стас?

– Нет, – протянула Ксюша, внимательно разглядывая снимок. – А кто это?

Катя и сама хотела бы знать кто.

– Ты не знаешь, – не ответив, спросила Катя, – на даче у твоих соседей не было несчастного случая?

– Нет, – покачала головой девочка. – То есть не знаю. Какого несчастного случая?

Катя пожала плечами и улыбнулась, показывая, что сама толком не знает.

– А девушка у Стаса была?

– Были какие-то, – небрежно мотнула головой Ксюша и по-взрослому заключила: – Ерунда, несерьёзно. – Похоже, сосед девчонке нравился, и она его слегка ревновала. – Никифоровы всё лето на даче жили, и Стас тоже. И не лень на работу из такой дали ездить. В этом есть что-то старомодное, правда?

– Не знаю, никогда об этом не думала, – сказала Катя.

– Я бы там от скуки с ума сошла.

– Почему же? – удивилась Катя. – Там пруд, можно купаться. И Интернет сейчас везде есть.

– Да ну, – поморщилась Ксюша. – Всё равно в Москве лучше.

– Ну, может быть, ты и права, – улыбнулась Катя.

Простившись с девочкой, она недолго посидела в машине и, понимая, что занимается ерундой, поехала за город.

К удивлению, доехать до водоёма, у которого располагалась дача Перовских, удалось быстро, почти без пробок. За городом было тихо, трава казалась совсем зелёной, как летом, а деревья уже заметно желтели.

Заперев машину, Катя пошла по узкой тропинке вдоль берега.

Было пустынно, только редкие рыбаки уныло сидели возле своих удочек.

Тропинка спустилась к самой воде, Катя чуть не наткнулась на скрытого камышами рыбака и остановилась, глядя на плескающихся в ведре серых рыбёшек.

Мужик, показавшийся Кате совсем старым, встал, распрямился, улыбнулся.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – вежливо ответила Катя.

– Гуляете?

– У моего друга здесь дача, – сказала она. – Друг умер летом.

– Так у нас вроде никто не умер, – удивился рыбак, при ближайшем рассмотрении оказавшийся вовсе не стариком, а крепким мужчиной под пятьдесят. – Девчонка летом утонула, так она наша, местная.

– Родители недоглядели? – посочувствовала Катя.

– Да девочка уж не маленькая, родители ни при чём, – усмехнулся мужик. – В прошлом году школу окончила. Танька Колоскова. Девка-то неплохая была, добрая. Соседка моя, я её маленькую на велике катал.

Рыбак покосился на заброшенные в воду удочки, сел на складной матерчатый стульчик. Было заметно, что одному на берегу ему скучно и неожиданной собеседнице он рад.

– В колледж хотела поступить, не поступила. Устроилась на работу в Москве, поездила и бросила. Говорила, тяжело очень. А кому на работу ездить легко?

– Да, – согласилась Катя и, стараясь не казаться слишком любопытной, поинтересовалась: – Где она работала?

– Продавщицей в каком-то супермаркете, электронику продавала. Теперь это называется менеджер. Какой менеджер? Продавщица и есть продавщица. Она и здесь могла устроиться, у нас сосед магазин для дачников держит, Таньку по-любому бы взял. Жениха богатого хотела найти.

– Богатых все хотят, – улыбнулась Катя.

– Хотят, – усмехнувшись, кивнул мужик. – Только богачей на всех не хватает.

– Как же она утонула? – посмотрела на ровную гладь во-

ды Катя. – Тихий пруд, это же не море в шторм. Захочешь утонуть, не утонешь.

– Озеро, – поправил рыбак. – Не пруд, озеро. Глубокое, между прочим. Как утонула, не знаю, не видел. Она воду не любила. Плохо плавала.

Пьяный парень раскачивал лодку, девушка цеплялась за вёсла.

– К воде нужно осторожно относиться. Летом здесь народу полно, а всё равно не спасли.

Катя ещё посидела с рыбаком и вернулась домой, когда совсем стемнело.

По всему выходило, что съездил он не зря и привезёт по меньшей мере три потенциальных договора. Оставалось пережить банкет, любителем которых Бородин не являлся, и всё, можно ехать домой со спокойной совестью.

После заключительных речей до банкета оставалось ещё часа три, можно спокойно отдохнуть, пройтись по городу, купить Кате в подарок какой-нибудь сувенир. Он бы так и сделал, но уйти одному означало обидеть Ирину, а этого Бородин не хотел.

Видеть её он тоже не хотел, она достала его за последние дни, и поэтому Глеб трусливо спрятался в номере. Посмотрел почту – ничего интересного, вспомнил, что взял с собой электронную книгу, и улёгся с ней, открыв боевичок, который начал читать накануне отъезда.

Книга была написана легко, с грубым мужским юмором. Бородин всегда удивляло, что Катя такие книги терпеть не может, он читал ей вслух наиболее забавные места. Раньше читал, до того, как в его жизни появилась Ирка.

А ведь он даже не знает, какая литература нравится Ирине. Он вообще мало что знал о своей любовнице и никогда не пытался узнать больше. Она никогда его не интересовала, зачем, почему он с ней связался?..

Бородин опять попытался углубиться в чтение и не смог. В Кате ему было интересно всё. С ней он мог спорить о чём угодно, даже о политике, разговоры о которой ни он, ни она никогда всерьёз не вели. Он понятия не имел, есть ли у Ирины политические пристрастия и ходит ли она голосовать. Она не говорила, а он не спрашивал.

Глеб поднялся, достал из висевшего на стуле пиджака телефон, обрадовался, увидев мерцающий огонёк, говоривший о пропущенном вызове, и огорчился, поняв, что звонила ему не жена.

Он уже не помнил, когда Катя звонила ему в последний раз, а ведь раньше они перезванивались по десять раз на дню.

Звонить Кате было рано, у неё ещё шёл приём, и он перезвонил своей заместительнице, о пропущенном звонке которой сообщал мигающий индикатор.

– Как дела, Глеб? – услышал он знакомый голос.

– Нормально, Любовь Фёдоровна. Приеду, расскажу.

Она Бородину нравилась. Пожилая ухоженная дама, весё-

лая и остроумная, была ему настоящей опорой, и он с тоской думал о её возможном уходе на пенсию.

– Я хочу тебе напомнить, что в понедельник в десять НТС. Не опаздывай.

– Что? – не расслышал он.

– Научно-технический совет. Забыл?

– Забыл, – покаялся Бородин.

– Глеб. – Она помедлила и вздохнула. – Ковальчук заявление подал.

– Какое заявление? – тупо спросил он.

– Об уходе, какое же ещё.

Серёжа Ковальчук был самым перспективным из молодых специалистов, на нём держался огромный фронт работ, и его уход являлся настоящей катастрофой. Кроме того, немногословный парень просто по-человечески Бородину нравился.

– Почему? Его же недавно повысили.

– А ты чего ждал, Глеб? Ясно, что парень обиделся.

– Да на что обиделся-то?

– Ну ты даёшь, Глеб! – восхитилась Любовь Фёдоровна. – Его вычеркнули из авторов последней разработки. Ты думал, он это проглотит?

– Что?! – ахнул Бородин. – Да я впервые об этом слышу!

– Ну, значит, подружка твоя постаралась, – хмуро заметила женщина.

– Какая подружка? – зачем-то спросил он. Ясно, какая. Ирина Васильевна Мединская, ждущая сейчас в соседнем

номере, другой «подружки» у него нет.

– Пока, Глеб, – не стала отвечать заместительница. – Не забудь про НТС.

Бородин, испытывая острое желание метнуть телефон в стену, аккуратно положил его на стол.

Последний вариант документации по разработке после всех его правок печатала Ирина, а он подмахнул не глядя. Ему просто в голову не пришло, что она может убрать чью-то фамилию.

Он отлично знал, что она сейчас ему скажет – произошла нелепая ошибка. Она случайно стёрла фамилию Ковальчука. Как он мог подумать, что она сделала это специально?

Он врал себе, когда говорил, что ничего о ней не знает. Он отлично знал, что от неё можно ожидать чего угодно и ей нельзя доверять.

Ковальчука Ирина терпеть не могла. Они появились в отделе почти одновременно, но Серёжа стал быстро расти, а Ирина так и оставалась на прежней должности. Странно, она никогда не говорила ему о Сергее, но Глеб знал, что она его не выносит, и даже знал почему. Потому что он умнее и талантливее.

Бородин решительно направился к соседнему номеру, постучал в дверь.

– Ты зачем вычеркнула Сергея из авторов? – устало спросил он, когда Ирина открыла. – Только не ври, что случайно, я не поверю.

– Случайно, Глеб. – Она виновато отвела глаза. – Правда, случайно. Я заметила, только когда документация уже ушла.

– Почему сразу не сказала?

Зачем он спрашивает, и так всё ясно...

– Боялась. Правда, Глеб, не хотела тебя расстраивать.

Она уже накрасилась к банкету, заметил Бородин. Глаза казались огромными, в них появились слёзы, и Глеб всерьёз задумался, потекут они из обоих глаз или только из одного.

– Ира, мы не сможем работать вместе. Я не допущу, чтобы ты мне мешала.

Господи! Хоть бы она провалилась куда-нибудь! Глеб никогда не задумывался, нужно ли ему уважение коллег. Теперь понял, что нужно. А эта дура сделала его посмешищем. Нет, не она. Он сам сделал себя посмешищем.

– Потом, Глеб, – быстро сказала она, как обычно, принимая вид несчастный и жалкий. – Я сделаю, как ты скажешь, только сейчас не надо об этом.

Оставлять её под своим началом нельзя, теперь он каждую минуту будет ждать, что она выкинет ещё что-нибудь абсолютно недопустимое.

Слёзы не потекли, они исчезли, словно их и не было. Ирина приблизилась, уткнулась ему в грудь.

– Пожалуйста, Глеб, не надо ссориться. Это наш последний вечер, давай проведём его нормально.

– Давай, – согласно кивнул он, с тоской подумав, что не успел позвонить Кате.

Он приедет в Москву и сразу покончит с этим, как бы жалко Иру ему ни было. Да, он жалел её, потому что видел и понимал, что нужен ей. И это было ужасно.

Дама, которую подсунул ему Саша, оказалась моложавой, элегантной, и если бы не заметная седина в волосах, выглядела бы лет на десять моложе своего возраста. Похоже, волосы женщина не красила из определённого кокетства, поскольку макияж на лице присутствовал, и сама она производила впечатление человека, очень о себе заботящегося, даже странно, что так запустила вены.

Вены никуда не годились, операцию делать надо срочно. Аркадий Львович подробно объяснил, куда обратиться, чтобы попасть к лучшим специалистам. Дама смотрела на него с сочувствием, наверняка знала о несчастье с женой, а ещё с явным интересом, Это раздражало, и он облегчённо вздохнул, когда за ней закрылась дверь.

Раньше, до Ольги, он такие взгляды любил. Бог не обидел его ни умом, ни силой, он был высоким, мускулами своими гордился, хотя и не стремился их демонстрировать, и женское внимание ценил.

Собственно, за исключением Марины, он и связывался с женщинами, только когда те сами проявляли инициативу. С Мариной они были слишком молоды, неопытны и влюблены, и разобрать, кто из них влюбился первым, не представлялось возможным.

Ольгу он долго не замечал. Он вообще мало внимания обращал на медсестёр, предпочитая женщин ярких, умных и вполне состоявшихся. С сёстрами же только шутил, называл их уменьшительными именами и никогда не воспринимал всерьёз.

На Оленьку Багрову он обратил внимание, когда увидел случайно, что она читает Чехова. Это было ночью во время дежурства. Она неслышно переворачивала страницы, склонившись под неяркой лампой в пустом больничном коридоре. Он не сомневался, что читает девочка дамский роман, и опешил, когда, сев рядом, увидел фамилию автора. Сашу он так и не смог приучить к русской классике, сколько ни внушал ему, что не знать литературу – всё равно что не знать таблицу умножения или столицу собственного государства. Сын смеялся, махал руками, уверял, что обязательно, обязательно всё прочтёт, только не сейчас, потом когда-нибудь. Сейчас у него совсем нет на это времени.

Аркадий Львович подвинул стул, сел рядом с Багровой. Она подняла на него бледное от бессонницы лицо, и он неожиданно припомнил, что она отличалась от других сестёр ещё одним – удивительно правильной речью, без молодёжных сленговых словечек, которых он терпеть не мог.

– Вы москвичка? – неожиданно и глупо спросил он.

– Да, – удивилась она и слегка наклонила голову.

Тогда он впервые отметил эту её привычку – от удивления наклонять голову.

– Сколько вам лет? – вопрос был ещё глупее предыдущего.

– Двадцать шесть. – Она еле заметно улыбнулась, и он отчего-то сразу перестал чувствовать себя дураком, как за минуту до этого.

Она была всего на шесть лет старше его сына. И почти на двадцать лет моложе его самого.

– Оля, почему вы не пошли в институт? – Той ночью он отличился редкостной бестактностью, но ему было легко под её слабой улыбкой.

– Так вышло.

Она чуть нахмурилась, ей не хотелось об этом говорить, и он отстал. Просто сидел с ней рядом.

Это потом он узнал, что её родители погибли в автокатастрофе, что её растила бабушка и она умерла, когда Оля только окончила медучилище.

– Бабушка боялась, что я останусь совсем без специальности, – рассказывала ему Ольга, когда они, уже будучи мужем и женой, ездили на кладбище к её родным. – Поэтому и уговорила меня пойти в училище.

После той ночи, когда она читала Чехова, а он молча сидел рядом, в его жизни ничто не изменилось, он опять почти не замечал медсестру Багрову, а она не замечала его...

Заглянул дежурный хирург, доложил, что плановая операция, назначенная на сегодня, закончена. Аркадий Львович подошёл к окну, недолго смотрел на больничный двор, запер

кабинет и спустился в реанимацию взглянуть на больного.

Четвёртое октября, пятница

Наконец-то командировка кончилась. Бородин осмотрел гостиничный номер на предмет забытых вещей и кивнул Ирине:

– Ты готова? Поехали.

Она послушно повезла чемодан к двери. Она всё время старалась быть полезной, и ему стало совестно, что он так от неё устал. Ему хотелось домой, к Кате, надоело бояться, что Ирка в любой момент может ляпнуть что-нибудь неподходящее или посмотреть на него совсем недопустимо в присутствии коллег.

Ему было бы гораздо проще, будь он уверен, что нужен Ирине только для карьерного роста. Он отлично знал, что это не так, он нужен ей сам по себе, и это его ужасало.

Самолёт летел полупустым. Ирина достала планшет, принялась гонять по экрану разноцветные шарики.

Два года назад он и Катя летели в Рим. Тогда ему ещё не нужно было прятать от жены глаза, Катя так же, как сейчас Ирина, сидела слева от него. Она проспала почти всё время полёта, ему было скучно без неё и очень хотелось, чтобы она открыла глаза, он смотрел на неё и почти не замечал, что затекли ноги, и старался поменьше ёрзать, чтобы её не разбудить. Он до сих пор помнил чувство светлой радости оттого, что она крепко спит, оттого, что впереди долгие две недели

отпуска, а после отпуска ещё целая жизнь.

Катя плохо загорала, у неё была очень светлая кожа, но мечтала о красивом ровном загаре. На обратном пути он дразнил её, поднося свою тёмную от итальянского солнца руку к её так и не загоревшей коже, и им было ужасно весело, и сидевшая рядом строгая дама недовольно на них косилась. Ему ни разу не было по-настоящему весело с Ирккой.

Посадив Ирину в такси, Бородин наконец-то позвонил жене. Телефон был отключён, но он другого и не ожидал, сегодня у неё вечерняя смена.

– Какое счастье, что уже пятница. Устала я, Катенька, – пожаловалась Светлана Васильевна.

– Счастье, – подтвердила Катя, снимая медицинский халат.

Знал бы кто-нибудь, как устала она. Устала от того, что нет мамы, нет Ольги. От того, что почти нет Глеба, хоть он и рядом.

– И на пенсию уходить страшно, не очень-то на неё проживёшь.

Катя кивнула – понимаю.

Попрощавшись со Светланой Васильевной, заглянула в окно над козырьком входа в здание – Корсакова не было.

По дороге домой вспомнила, что не включила телефон, увидела пропущенный звонок Глеба.

Тихо шелестели листья на слабом ветру, как в первый раз,

когда юная Катя шла с Глебом.

Глеб учился с её братом Илюшей в одной группе, иногда приходил к ним домой. На Катю парни внимания не обращали, и её это совсем не трогало, она тогда была влюблена в своего сокурсника Диму Сидякина. Сейчас Дима являлся каким-то большим начальником в крупной фармацевтической компании и часто приставал к Кате с рекламой собственной продукции.

Она не сразу заметила, что Глеб часто на неё посматривает, и незаметно стала ждать его взглядов и расстраивалась, когда он на неё не смотрел.

Потом всё закрутилось быстро. Как-то она у метро столкнулась с Глебом, возвращаясь из института, они разговаривали ни о чём под шелест осенних листьев, он вежливо пропустил её вперёд, легко открыв тяжёлую дверь подъезда, и она впервые заметила, какие сильные у него руки и как легко и спокойно идти с ним по тихой улице. В тот вечер он пригласил её погулять, и она пошла, и больше никогда не думала ни о Диме Сидякине, ни о ком-то другом.

Окна квартиры светились. Катя дождалась лифта, отперла входную дверь и сразу попала в руки Глеба.

– Я только вошёл, – прошептал он, утыкаясь ей в волосы. – Катюха, я так соскучился.

Она мягко высвободилась из его рук, повесила на вешалку ветровку.

– Катя...

– Да, Глеб?

– Что не так?

«Не так» было всё. И то, что он не звонил ей двое суток, и то, что сама она боится ему звонить, чтобы не нарваться на недовольные и отрывистые «да» и «нет».

«Не так» было то, что от него сейчас слабо пахло неизвестными духами.

– Глеб, – спросила Катя, глядя в его виноватые глаза. – Ты меня любишь?

– Я не могу без тебя жить. – Он снова её обнял, на этот раз она не сопротивлялась.

Немедленно кончать с Ирккой. Любым способом.

Разобрав дорожную сумку, с которой ездила в командировку, Ира поняла, что оставаться дома и представлять, как сейчас Глеб обнимает свою жену, нет никаких сил. Вариантов было два – поехать к матери или к отцу. Собственно, второй вариант тоже предполагал общение с женщиной, с новой отцовой женой, потому что сам он ни дочь, ни жену вниманием не жаловал, домой, как правило, являлся поздно, почти ночью, а дочери звонил один-два раза в месяц, не чаще.

Ира давно поняла, что эти звонки продиктованы не желанием поговорить с ней и не беспокойством за неё, а исключительно раз и навсегда заведённым правилом. Она так и представляла, как после каждого звонка отец делает пометку в записной книжке, чтобы не пропустить даты следующего

звонка.

Ира прошла по квартире, провела пальцем по поверхности мебели. Палец остался чистым, домработница, которую оплачивал отец, убирала добросовестно. Впрочем, Ира не сказала, когда вернётся, не хотела, чтобы прислуга расслаблялась.

Можно было встретиться со школьными или институтскими подругами, но не хотелось. Поразить их нечем, разве что папиными деньгами, которых он, надо отдать ему должное, для неё не жалел. Но к её деньгам подруги давно привыкли, а больше похвастаться ей нечем. Карьеры не сделала, замуж не вышла.

Карьеры она не сделала из-за Глеба. И замуж не вышла из-за него же.

– Мам, – решительно сказала в трубку Ира. – Я сейчас к тебе приеду.

– Ты вернулась? – равнодушно удивилась та. – Как съездила?

– Нормально. – Интересно, если бы самолёт разбился, как скоро бы мать хоть чуть-чуть о ней забеспокоилась? Через неделю? Через месяц? – Приеду, расскажу.

Одевшись, Ира потянулась к ключам от машины, передумала и вызвала такси, пока ждала, наспех соорудила себе коктейль из мартини с соком и медленно тянула его, стараясь не расплакаться.

Она ждала от этой командировки многого. Чтобы Глеб

понял, насколько она лучше, ласковее, моложе и красивее его жены. Что она преданно его любит. Что она его верная помощница, правая рука, секретарь и руководитель в одном лице.

Получилось всё наоборот.

Лежащий на столе телефон пискнул, пришла эсэмэска с номером подошедшей машины. Ира торопливо допила коктейль, спустилась вниз и очень скоро отпирала своим ключом мамину дверь.

– Как съездила? – целуя её, спросила мать.

– Нормально. – Ира повесила куртку, переобулась в домашние шлёпанцы.

Мать была единственным человеком, кто знал о её романе с начальником. Так же, как Ира была единственной, кто знал о материнских романах, включая тот, от которого распался брак родителей. Самое смешное и грустное, что полноценного романа тогда не было.

– Ты зря теряешь на него время.

– Посмотрим. – Ира прошла за ней на кухню, села на своё любимое место в углу.

– Ужинать будешь?

– Позже. Выпить что-нибудь есть?

Мать достала почти пустую бутылку кагора, рюмки, налила себе и дочери. Кагор Ирина терпеть не могла, но выпила. Подумала, наполнила рюмку снова и опять выпила.

Она теряла время не только на Глеба. Она впустую теряла

время в институте, потому что никакой карьеры ей не светило. И в этом, кстати, тоже виноват Глеб. Он считает, что повышать в должности нужно хороших специалистов, и ошибается. Ира знала, что начальником была бы куда лучшим, чем та же Любовь Фёдоровна, и даже лучшим, чем сам Глеб. Если у кого-то получается схемы рисовать, пусть рисует, а руководить должны совсем другие люди, хваткие, без слюнявых принципов, как говорит отец.

– Ты бы попросила отца работу тебе найти, – словно прочитала её мысли мать.

– Я подумаю.

Когда-то он предлагал ей свою помощь в трудоустройстве, но тогда Ире хотелось всем доказать, а папаше в первую очередь, что она сама способна на многое. Дура была, не знала жизни.

– Ты права, – кивнула Ирина. – Попрошу отца.

– Ну и правильно. – Мать полезла в холодильник, достала контейнеры с продуктами, поставила в микроволновку.

После развода отец, к удивлению их обеих, каждый месяц платил матери большую сумму «на прожитьё», для обычного человека просто огромную.

Ира только недавно поняла, что в этом была изощрённая месть; отец отлично знал свою первую жену и правильно рассудил, что работать она при таком содержании не пойдёт, выйти замуж за столь же обеспеченного человека едва ли сможет, без неё желающих хватает, и будет вечно от него

зависеть. Зависеть и бояться, что в любой момент подачи прекратятся.

Особенно страшно матери стало, когда он женился. Ире тоже стало страшно, но пока отец платил ей исправно.

– Иришка, ты кончай с Глебом, – посоветовала мать, выкладывая на тарелки аппетитно пахнущее мясо с овощами из разогретых контейнеров.

– Вкусно, – похвалила Ира.

– У меня домработница новая, с Украины. Хорошо готовит. – Мать уселась напротив, в упор посмотрела на дочь. – Кончай с ним, доча. Не выйдет у вас ничего.

– Посмотрим. Не каркай.

– Я другое имею в виду. Даже если он от жены уйдёт, ты не сможешь с ним жить.

– Это ещё почему?

Ира отлично знала, что она имеет в виду. И её опасения вполне реальны. С Глебом ей, Ирине, постоянно приходится быть настороже, не говорить правду, потому что правда у них разная. Её правда простая, без лицемерия – в жизни либо ты командуешь, либо тобой командуют, иных вариантов не бывает. И надо делать всё, чтобы командовать самому. То есть самой.

А Глеб... Он умел довольствоваться малым и считал, что в жизни всё даётся тяжёлым трудом. Ира вполне могла бы считать его дураком, если бы не знала, что он очень умен.

Да, они очень разные, но, как назло, на свете нет никого,

кто был бы нужен ей так, как он.

— Он всю жизнь будет работать за копейки, вот увидишь, — продолжала мать. — Я таких людей знаю. Тебе это надо?

— Отстань.

Разговаривать с матерью было легко. Она правильно сделала, что не осталась дома.

Уже прощаясь, Ира обратила внимание, что в прихожей не горит люстра, светятся только боковые светильники.

— Перегорело что-то, — объяснила мать. — Руки не доходят новую купить.

Как могут до чего-то не доходить руки у женщины, абсолютно ничем не занятой, Ира не понимала, но пообещала:

— Я тебе куплю.

Пятое октября, суббота

Аркадия Львовича разбудила Марина. Он заснул только под утро, с трудом очнулся от тяжёлого сна и поэтому долго не открывал бывшей жене.

– Ты бы позвонила, – буркнул он, увидев её испуганное лицо.

Перовский знал, что она очень за него переживает, и сейчас, когда он долго не отпирает дверь, испугалась всерьёз. Собственно, теперь у него нет человека ближе Марины.

– Разбудила? – виновато спросила она, ставя на пол объёмистую сумку.

– Ничего.

– Купила тебе продукты.

– Спасибо. Больше не покупай, создаёшь хлопоты и себе и мне.

– Никаких хлопот. – Марина отправилась на кухню, хозяйски захлопала дверцей холодильника.

Аркадий Львович прошёл в ванную, умылся, долго брился, глядя на своё осунувшееся лицо с мешками под глазами.

– Аркаша, – крикнула Марина. – Завтракать будешь?

– Только чай. Покрепче.

Чай Марина уже заварила, налила ему в большую кружку, правильно угадав, что она его. Себе, подумав, взяла Ольгину с синими васильками на боку. Смотреть на Ольгину чашку в

чужих руках было неприятно, но он промолчал.

– Как ты? – Марина села напротив на Ольгино место. Это тоже было неприятно, и Перовский опять промолчал.

– Как видишь.

– Потерпи, Аркаша. – Она протянула руку, легко погладила его пальцы. – Время лечит.

– Кончай, Марина, – поморщился он.

– Я купила тебе мясо, салаты. Всё из кулинарии, но вкусное, – она убрала руку, обняла Ольгину чашку. – Фрукты тоже купила. Хочешь, мясо приготовлю?

– Не надо, спасибо. Сам пожарю.

– Давай сходим куда-нибудь?

– Нет. – Он помотал головой. – Саша тебе звонил?

– Вчера. У него всё нормально.

Сын уже несколько лет снимает квартиру, только изредка навещая родителей.

– Аркаша, я знаю, ты этого не любишь, но... может быть, попринимать успокаивающие?

– Знаешь же, что я этого не люблю. Зачем затевать пустые разговоры?

Она допила чай, Аркадий Львович взял у неё из рук Ольгину чашку, поставил в мойку.

– Пойдём куда-нибудь, – опять предложила она. – Человек не должен быть один в горе.

– Я не один. У меня есть ты. И Саша.

Наверное, не разведись они когда-то с Мариной, были бы

сейчас вполне примерной супружеской парой. Они всегда хорошо понимали друг друга и поддерживали в трудные минуты. С Аллочкой у него так не получилось. Возможно, потому, что не было общих детей, а возможно, ещё почему-то. Он знал множество разведённых супругов с детьми, которые люто ненавидели друг друга.

– Я пойду, Аркаша, – вздохнула Марина. – Звони.

– Спасибо тебе. – Он проводил её до двери, поцеловал.

Она хотела что-то добавить, но промолчала, и он закрыл за ней дверь.

Ольгу Марина никогда не видела, Перовский не только считал пошлым и недопустимым знакомить своих жён, но никогда и не рассказывал одной женщине о другой.

Вернувшись в кухню, Аркадий Львович взял из мойки Ольгину чашку, прижал к щеке, постоял, тупо глядя в окно на бледное небо.

После того как он сидел ночью рядом с сестрой Багровой, наблюдая, как она переворачивает страницы томика Чехова, он долго о ней не вспоминал, пока не поймал себя на том, что дежурства для него делятся на те, когда он видит её, и те, когда её нет. Ему ещё не приходило в голову не только связать с ней свою жизнь, но даже пригласить её куда-нибудь, как он приглашал других женщин, он просто радовался, когда дежурила она. И Перовский, наверное, очень удивился бы, если б ему сказали, что он влюблён в молоденькую медсестричку.

Месяца через два он выходил вместе с Багровой после ночного дежурства. Накрапывал дождь, она постояла на крыльце, раздумывая, не достать ли зонт, не достала и медленно пошла через больничный двор, старательно обходя лужи. Он догнал её уже у проходной, раскрыл над ней зонт и предложил:

– Проводить?

– Спасибо, – покачала она головой. – Не надо.

– Провожу, – решил он.

Она не стала возражать, только накинула капюшон куртки, давая понять, что его зонт ей не нужен. Не нужен так не нужен, Перовский сложил зонт, повесил на руку.

– Устали? – Он не представлял, о чём с ней говорить, но понимал, что огорчится, если она сейчас от него уйдёт.

– Немного.

Она смотрела себе под ноги, стараясь не наступать в лужи.

– Вы одна живёте?

– Да, – кивнула она и неожиданно сказала: – Я жила с бабушкой, но она умерла.

Наверное, нужно было спросить ещё что-то, но он не спросил, они молча проехали несколько троллейбусных остановок. А у двери её подъезда, когда Ольга повернулась к нему, Аркадий Львович сделал то, чего совсем от себя не ожидал, – взял её за плечи, заглянул в лицо и признался:

– Я всё время о вас думаю.

Она посмотрела на него с удивлением, немного с испугом

и ещё как-то так, от чего ему сразу стало весело.

Но и тогда он ещё не думал, что женится на ней.

Аркадий Львович бережно опять поставил чашку в мойку, передумал, вымыл её, вытер бумажным полотенцем и убрал на полку.

Утро складывалось неудачно. Сначала позвонили из салона красоты, сообщили, что маникюрша, к которой Ира была записана, заболела. Предложили другую, но она отказалась. Просто так отказалась, не потому что слишком ценила мастерство заболевшей девушки. К тому же идти куда-то было попросту лень.

Потом позвонила Алка. Жену отца Ира возненавидела с первой минуты, как только увидела. После развода отец долго не женился. И Ира, и мать уже считали, что он никогда этого не сделает, и ошиблись.

Алка оказалась такой, какой Ира её себе и представляла: умной и хитрой стервочкой, умело прячущей при муже свою стервозность. Сначала Ира мечтала собрать на Алку компромат и добиться, чтобы отец выгнал молодую жену в шею, а потом, когда компромат совершенно неожиданно нашёлся, передумала. Во-первых, не факт, что папенька не женится ещё раз и новая жена не будет более опасной для нее, чем Алка. А во-вторых, очень грела душу мысль, что Алка целиком у неё в руках, даже не подозревая об этом.

– Привет, – пропела Алла. Вообще-то она Алина, но имя

своё терпеть не может и предпочитает Аллу. – Как командировка?

– Нормально. А у вас что происходит? – как можно доброжелательнее спросила Ира. Самым приятным было бы услышать, что отец посоветовал женщине провалиться к чёртовой матери, но пока это оставалось несбыточной мечтой.

– Всё как всегда. Василий хочет с тобой поговорить.

Это был небольшой укус. Алка показывала свою монолитную связь с мужем, ведь даже поговорить с собственной дочерью тот не может без её участия.

– Ну так дай ему трубку. – Ира постаралась подавить рвущуюся наружу злость, кажется, получилось.

– Он хочет, чтобы ты приехала.

– Когда?

– Да хоть сейчас.

– Хорошо, – согласилась Ира. – Через часик приеду.

Вроде бы ничего особенно унижительного в разговоре не было, но Ира чувствовала, что чёртова стерва наслаждается, а сама она выглядит покорной бедной родственницей. Собственно, так оно и было.

Квартира отца располагалась в новом элитном доме, была огромной и постепенно наполнялась очень дорогой мебелью, относительно дорогими картинами и антикварными безделушками. Во вкусе Алке не откажешь, это Ира признавала.

На олигарха отец не тянул, но был человеком очень богатым, и квартира его статусу соответствовала.

– Привет, – целуя ее, пропела Алла.

– Привет, – чмокнула её Ира.

– Чайку?

– Нет, спасибо.

Видеть довольную Алкину рожу было противно до смерти. Сегодня на ней был домашний брючный костюм, скромненький и наверняка безумно дорогой. На пальцах полкило серебра, не меньше. Правда, это Ира оценила, руки в серебре выглядят гораздо благороднее, чем в золоте, только мало кто это понимает.

Ира по-хозяйски прошла в кабинет к отцу, закрыла за собой дверь. Хоть маленький, но ударчик Алке, пусть знает, что она имеет право с собственным папашей разговаривать без посторонних.

Он возлежал на диване, читал тяжёлый том в коричневом переплёте. При её появлении отложил книгу, снял с носа очки, положил рядом.

– Я поговорил кое с кем, – без предисловий сообщил он, внимательно разглядывая дочь. – Могу перевести тебя в головную компанию. В отдел закупок.

Странно, ей казалось, что отец вовсе не интересуется её судьбой.

– Что я там буду делать? – глупо спросила Ира.

– Тендерами заниматься, – почему-то усмехнулся он. – Закупками. Дело стоящее, не прогадаешь.

Предложение было заманчивым. Самым заманчивым, ка-

кое только можно себе вообразить. Заниматься закупками интеллектуальных разработок означало подняться не на одну, а сразу на несколько ступеней социальной лестницы, даже если её возьмут на новую работу в прежней должности.

Дело даже не в том, что она получит возможность сообщать конкурсантам кое-какие интересующие их сведения, на это Ира как раз никогда не пошла бы, не дура, чтобы так рисковать. Просто она будет в курсе всех новейших разработок, и отношение к ней изменится, Глеб начнёт считаться с её мнением. И другие станут считаться.

– Спасибо, пап, – кивнула Ира. – Спасибо. Я даже боялась тебя об этом просить.

– В следующий раз не бойся. – Он поднялся с дивана, схватившись за спину. – Бояться надо в пешках всю жизнь просидеть. И в девках.

Он здорово постарел, отчего-то с удовлетворением отметила Ира.

– У тебя радикулит?

– Есть немного. В понедельник подавай заявление об уходе.

– Хорошо.

Ира подождала, не спросит ли он ещё о чём-нибудь, не дождалась и тихо вышла.

– Пойдёшь на новую работу? – вынырнув откуда-то из бесчисленных комнат, спросила Алла.

Вот стерва, даёт понять, что полностью в курсе мужних

дел, даже если они касаются его дочери.

– Подумаю, – небрежно бросила Ира, одеваясь.

До смерти хотелось намекнуть, что у неё есть кое-какая занятная информация про Алку, но Ира сдержалась. Всему своё время.

Я придумываю ерунду, говорила себе Катя. Глеб не стал бы меня обманывать, зачем? Детей нет, материально они друг от друга не зависят, нужна ему другая женщина – повернулся и ушёл. Доводы были разумные, но помогали слабо, запах чужих духов никак не хотел выветриваться из памяти. Стану, как Варя, посмешищем, мрачно констатировала Катя. Брат о своих проблемах никогда не говорил, но скрыть это было невозможно, Катя давно всё понимала, и мама понимала, и обе жалели жену Ильи.

Варя ревновала Илюшу постоянно и ко всем, включая све-кровь и золовку. Выглядело это жалко, и мама, и Катя старались в её присутствии общаться с Ильёй как можно меньше, вовлекали её в общий разговор, но Варя дулась, злилась, и из совместных семейных посиделок получалась одна нерво-трёпка для всех.

– Глеб, сходишь за продуктами? – крикнула Катя, обследовав холодильник.

– Угу, – кивнул он, появляясь за её спиной. – Пиши список.

Глеб всегда ходил в магазин со списком необходимых по-

купок, даже если купить нужно было что-то одно. Раньше они оба часто над этим смеялись.

Катя быстро начеркала, что надо купить.

– Пойдём вместе, – предложил он. – Погода хорошая, прогуляемся.

– Не хочется, – отказалась Катя.

Не хочется ей гулять с человеком, которому она не верит.

Глеб ушёл, Катя послонялась по квартире, подошла к зазвонившему телефону. Не успела, звонки прекратились. Нужно подключить определитель, привычно подумала она. Вызвать мастера и подключить.

Небо за окном хмурилось. Катя вышла на балкон, открыла окно, поёжилась.

Когда Глеб ещё только стал её Глебом, когда быть рядом с ним было немислимым счастьем, а не видеть его – сплошной тоской, он пообещал ей: я никогда тебя не обижу. Конечно, он её обижал с тех пор, и она его обижала, но это были несерьёзные обиды, мелочь, на которую они почти не обращали внимания.

Он не мог обидеть её сильнее, чем принесся на себе чужой запах.

В самолёте полно народу, напомнила себе Катя. Он мог сидеть рядом с любой надушенной сверх меры женщиной и касаться ее рукавом.

Она закрыла окно, вернулась в комнату, услышала, что отпирается входная дверь, взяла у мужа сумки и принялась

убирать продукты в холодильник.

Седьмое октября, понедельник

Оперативка у директора была, как всегда, напряжённой, потом Бородина дёргали телефонными звонками, и он не сразу вспомнил, что Катя просила починить компьютер. За последние полгода он приучил себя забывать о жене, находясь на работе. Здесь у него была Ирина.

Глеб достал ноутбук из сумки, отнёс к компьютерщикам, напомнил себе не забыть купить им бутылку коньяка и, отпирая кабинет, опять услышал звонок.

– Я подала заявление, – тихо произнесла в трубке Ира. – Я увольняюсь. Ты ведь этого хотел?

– Но... – Ему не верилось, что жизнь может так легко снова наладиться, что больше не придётся краснеть перед коллегами и прятать глаза от Кати. – Я тебя не тороплю, просто хочу, чтобы ты не мешала мне работать, не лезла в мои дела. Я не имел в виду увольнение. Ты новое место нашла?

– Нет. Но это не имеет значения.

По-хорошему, её давно надо было уволить, инженер из неё никакой, но за это не увольняют.

– Я к тебе загляну? – попросила она. – Можно?

– Приходи.

Было и ещё кое-что помимо чувства вины, что не давало ему с облегчением радоваться её уходу. Она стала ему не чужой, не такой необходимой для жизни, как Катя, но всё-таки

не чужой, и ему не безразлична её судьба.

Она появилась быстро, почти мгновенно, села сбоку, куда садились все, проходящие к нему в кабинет, покачала ногой, глядя в сторону, как примерная студентка, которой экзаменатор ещё не задал вопроса.

– Я ничего у тебя не прошу, Глеб.

Бородин промолчал, он ничего не мог ей предложить, да и не хотел предлагать. Больше всего он хотел невозможного: чтобы она опять стала для него чужой, а его жизнь простой и понятной.

– Знаешь... я просто хочу, чтобы ты знал – у меня никого нет, кроме тебя.

– Я знаю, – мягко сказал он.

– Нет. – Она покачала головой. – Не знаешь. Я имею в виду совсем не то. Мне даже поговорить не с кем, кроме тебя.

– Ира...

– Я всё понимаю, Глеб, – перебила его она. – Не говори ничего. Я знаю, что ты на мне не женишься, и ни на что не претендую. Я тебе уже сказала. Не бойся.

– Я не боюсь, – соврал он.

Конечно, он боялся, ещё как. Он не мог больше видеть несчастных Катиных глаз, он давно чувствовал себя мерзавцем и не хотел так жить.

– Зайди сегодня, – попросила она, наклонившись к нему. – Пожалуйста. Меня очень скоро здесь не будет.

Он отшатнулся, в кабинет в любой момент мог кто-то за-

глянуть.

– Хорошо, – обречённо сдался Глеб и трусливо добавил: – Только ненадолго.

Она встала, молча вышла из кабинета.

Ему до боли было жалко Ирину, он отдал бы всё, чтобы сделать её счастливой. Всё, кроме счастья Кати. И кроме своего счастья, которое без Кати невозможно.

За окном ярко светило солнце, создавая блики на экране компьютера. Бородин встал, опустил жалюзи. До смерти не хотелось ехать к Ирине.

Давно, когда между ним и Катей толком ещё ничего не было, но юный Глеб уже понимал, что без неё жизни ему не будет, Илья, встретив его перед лекцией в университетском коридоре, грозно на него надвинулся.

– Я за свою сестру горло перегрызу, – прошипел он, стараясь, чтобы никто не слышал.

– Я тоже, – зло ответил тогда Бородин, стоя в нескольких сантиметрах от Ильи.

Он и сейчас готов был на всё ради Кати и с тоской отгонял мысли о предстоящем вечере с Ириной. Если бы он мог вернуться назад, в цветущую казахскую степь, близко бы не подошёл к Ирке, но вернуться туда невозможно.

Она уволится, и всё кончится, успокоил он себя, поправил идеально ровно висевшие жалюзи и вернулся к столу.

Сегодня Катя работала в первую смену и уже в начале тре-

тьего оказалась дома.

Хотелось по привычке залезть в Интернет, почитать новости, послушать музыку, но её компьютер Глеб отнёс на работу чинить дисковод, а как подключить Интернет к Ольгину, она не знала.

Ольгин ноут давно надо отдать Перовскому, но Катя тянула, как будто комп до сих пор связывал её с Ольгой, и ей было больно рвать эту последнюю связь. Неожиданно припомнилось, что в последнее время Ольга стала не такой жизнерадостной, как обычно. Она была чем-то озабочена, но Катя не обращала на это внимания. Ей хватало проблем с Глебом, она всё время помнила, что больше нет мамы, её не волновали чьи-то ещё проблемы, даже Ольгины. Сейчас её захлестнуло такое острое чувство вины, что она быстро включила компьютер, раскрыла первую попавшуюся Ольгину фотографию и долго смотрела на экранное изображение, пока не взглянула на часы и не заторопилась.

Повезло, машина Глеба стояла внизу, муж решил добратсья до работы на метро. Катя, опасаясь попасть в начинающие собираться при выезде из города пробки, опять поехала к Ольгиной даче.

Заезжать в дачный посёлок не стала, оставила машину на обочине, почти провалившись правым колесом в канаву. Вошла на территорию посёлка через скрипучую решётчатую калитку и сразу увидела маленький магазинчик, неприметно расположенный рядом с поселковой конторой.

Народу в лавке почти не было, только две совсем маленькие девочки никак не могли выбрать себе мороженое. За прилавком молоденькая продавщица читала книгу в мягкой обложке.

Девочки наконец выбрали мороженое, продавщица отложила книжку и улыбнулась Кате. На обложке было нарисовано розовое сердце, и от этого Кате почему-то стало жаль девушку.

– Бутылочку воды, пожалуйста. Без газа, – попросила она и решилась: – Вы давно здесь работаете?

– Год уже. – Девушке явно было скучно, хотелось поболтать.

– У меня подруга погибла, – призналась Катя. – Ольга Перовская. Может, знали её? Вы, наверное, всех в посёлке знаете.

– Знала, – вздохнула девушка. – Жалко, хорошая женщина была.

– Жалко, – подтвердила Катя. – До сих пор поверить не могу.

– Знаете, – девушка перегнулась к ней через прилавок. – Напасть какая-то в этом году. Сначала Таня утонула, правда, она наша, местная, не из дачников. Потом Стас, он из дачного посёлка. Теперь вот Ольга. Её машина сбила, да?

– Да, – кивнула Катя. – На моих глазах.

– Ужас какой! Как думаете, найдут водилу?

– Не знаю. Хотелось бы.

– Пьяный, наверное. Расстреливать таких надо, – возмущалась девушка.

– Вы про Стаса упомянули, – напомнила Катя. – Кто это?

– Парень здесь жил на даче. Но он со мной даже не здоровался, – вздохнула продавщица. – Всё равно жалко. Такой молодой и умер.

– А что с ним случилось?

– Сначала думали, у него отравление. – Девушка вышла из-за прилавка, кивнула Кате, приглашая на крыльцо, закурила. Катя подумала, достала сигареты и тоже закурила. – Мать его к нам ругаться приходила, а что с нами ругаться, у нас всё свежее, никто ни разу не жаловался. Потом оказалось, у него аппендицит. Вот ведь ужас, от простого аппендицита умереть.

– Наверное, поздно операцию сделали, – предположила Катя. – Раньше надо было «Скорую» вызывать.

– Наверное. А может быть, просто судьба у него такая. Вы в судьбу верите?

– Как-то не задумывалась, – призналась Катя, достала телефон и, найдя на экране изображение парня в лодке, протянула девушке. – Этого молодого человека знаете?

– Нет, – внимательно посмотрела та. – Кто это?

– Не знаю, – вздохнула Катя. – Нашла у Ольги в компьютере.

– Лицо вроде знакомое, – задумалась девушка и улыбнулась проходившей мимо женщине лет семидесяти: – Здрав-

ствуайте, Вероника Антоновна.

– Здравствуй, Танечка, – откликнулась та.

– В Москву?

– Поеду, квартиру проведу. Через пару дней вернусь, – кивнула женщина, облокотившись на сумку-тележку, и пожаловалась: – Боюсь на электричку опоздать, а быстро идти не могу.

– Давайте я вас подвезу, – предложила Катя. – Я в Москву еду.

– Спасибо, – не отказалась старушка, внимательно её разглядывая.

Катя улыбнулась на прощание продавщице Танечке, подхватила старушкину сумку и направилась к машине.

За последние полгода Бородин бывал в Ирининой квартире множество раз, но только сейчас обратил внимание, что обстановка здесь не просто хорошая – богатая. Дорогая мебель – это было понятно даже ему, никогда не интересовавшемуся интерьерами, – очень дорогая электроника, да и сами апартаменты, расположенные в пределах Бульварного кольца, далеко не из дешёвых.

А ведь он практически ничего не знает об Ирке. Знает, что москвичка, что ещё с институтских лет живёт одна, и всё. Она не рассказывала, он не спрашивал. Ему было неинтересно. Вот про Катю ему было интересно всё с первого дня до дня сегодняшнего. А из этой квартиры ему всегда хоте-

лось побыстрее исчезнуть, и он исчезал, быстренько приняв душ после Иркиных ласк. Зачем он впутался во всё это?

– Поужинаешь? – Ира успела переодеться во что-то почти прозрачное, села к нему на колени, прижалась. Одевание было соблазнительное, но сегодня не соблазняло.

– Давай чайку попьем. – Он дёрнулся, держать её на коленях было ни к чему, роман остался в прошлом.

Она поняла, встала, включила чайник, полезла в холодильник, достала початый торт без крема, именно такой, какой Бородин любил.

– Если ты ещё не нашла работу, не увольняйся пока, – опять предложил он.

– Я не пропаду. – Ира ненавидела его в этот момент и знала, что унижения ему не простит, но у неё есть цель, а она привыкла добиваться своего. Цель была простая и ясная – выйти за него замуж.

Вообще-то мама права, Бородин для неё незавидный жених, он никогда не создаст ей того материального уровня, к которому она привыкла, а самое главное – он не принадлежит к тому кругу, куда она всегда стремилась попасть, к кругу людей очень богатых и известных, являющихся для всех прочих почти богами. Глеб не только не принадлежит к избранному кругу, она знала, что он и не хотел бы к нему принадлежать.

Но она знала и другое: никакие знакомства и никакие деньги не заменят ей его. А самое главное, очень хотелось,

чтобы его никчёмная жена страдала так же, как страдает она, когда Бородин рвётся от неё к своей Кате.

– Ира, на что ты будешь жить?

– У меня обеспеченные родители, проживу. – Она заварила чай, подумала, взяла рюмку, достала бутылку мартини. – Выпью, пожалуй. Хочешь?

– Нет, спасибо. Если не секрет, кто твои родители? – Глеб поднялся, наполнил ей рюмку. Иркины доходы его неожиданно заинтересовали.

– У меня папа банкир.

– Поздравляю, – улыбнулся он.

– Спасибо, – усмехнулась она.

Глеб улыбнулся впервые после командировки, и она почувствовала себя уверенней. Главное сейчас – не допустить полного разрыва, нужно продержаться ещё немного, и тогда цель станет намного более реальной. Катя Бородина даже не представляет, какой сюрприз её ждёт.

– Родители развелись лет пятнадцать назад, – сказала Ирина. – Но папочка нас не забывает, и мне, и маме в деньгах не отказывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.